

72
98

Н. САМОКИШЪ

1904

1905

ВОЙНА

ИЗЪ ДНЕВНИКА
ХУДОЖНИКА

72
98 15 мая

Н.САМОКИШЪ

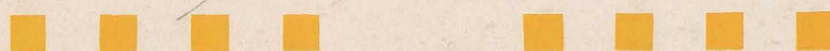
НЕ КСТИРОВАТЬ

1904

1905

ВОЙНА

ИЗЪ ДНЕВНИКА
ХУДОЖНИКА

Государственная
с. д. на Ленина
БИБЛИОТЕКА СССР
им. В. И. ЛЕНИНА

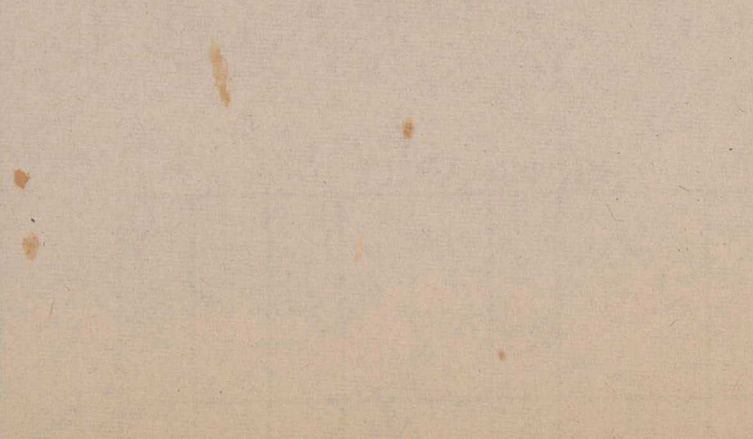
96073-46

15 кален. 30/12-55 400.

КНИГА ИМЕЕТ

Листов печатных	Выпуск	В перепл. един. соедин. №№ вып.	Таблиц	Карт	Иллюстр.	Служебн. №№	№№ списка и порядковый	200 г.
					✓		✓	✓

18/10

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Къ рисункамъ изъ поѣздки на Дальній Востокъ и семимѣсячнаго пребыванія моего въ дѣйствующей арміи я прилагаю текстъ, взятый изъ моего дневника.

Прошу читателя не смотрѣть на этотъ текстъ, какъ на литературное произведеніе: это не болѣе, какъ поясненіе къ рисункамъ, дающее возможность установить связь между разнообразными этюдами, набросками и композиціями на военныя темы, которые я исполнилъ на мѣстахъ расположенія нашихъ войскъ.

Н. Самокишъ.

Н. Самокишъ.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	СТР.
Предисловіе	V
Моя поѣздка на войну.	1
Хайченъ и Асандзанъ. Іюль 1904 года.	
Хайченъ	3
Асандзанъ	7
У драгунъ на Тайдзыхэ (Нѣжинскій 52-й драгунскій полкъ).	9
Дѣло подъ Сыквантунемъ.	21
Отступленіе (отъ Сыквантуня до Мукдена).	29
Шахэ.	37
Хуаншанъ и Чансамутунъ. Свиданіе съ главнокомандующимъ	45
Эрдагоу	49

РИСУНКИ ВНѢ ТЕКСТА:

На сопкѣ послѣ штурма	послѣ VI
Преслѣдованіе.	” VIII
Улица въ Мукденѣ	” 2
Спѣшное донесеніе	” 6
Японскій разъѣздъ	” 10
Тревога	” 14
Шахэ. — Бой у станціи жел. дороги	” 18
Деревня Санлинзы близъ Чансамутуня	” 22
Отступленіе отъ Лаояна въ Мукденъ.	” 26
Переходъ черезъ рѣку подъ огнемъ	” 30
Поселокъ въ Мукденѣ	” 34
Плѣнный японскій драгунъ	” 38
Кумирня въ Хуаншанѣ.	” 42
Неожиданное нападеніе	” 46
Зимній пейзажъ въ Манчжуріи	” 50

Пресльдованіє.

Президиум.

МОЯ ПОѢЗДКА НА ВОЙНУ.

При самомъ началѣ войны я естественно сталъ думать, что нужно ѣхать. Кромѣ личнаго побужденія, какъ баталиста, не малую роль въ матеріальномъ отношеніи играли тѣ предложенія, которыя мнѣ были сдѣланы, какъ художнику. Для меня же видѣть войну, какая она есть на самомъ дѣлѣ, а не на картинахъ, было завѣтной мечтой. Къ сожалѣнію, работы, которыя я имѣлъ на рукахъ, задержали меня до половины Мая, и только тогда я могъ, послѣ непродолжительныхъ сборовъ, сѣсть въ поѣздъ; мой товарищъ по Академіи Худож. В. Мазуровскій ѣхалъ вмѣстѣ со мной. Дальняя дорога была очень досадлива, такъ какъ лишала меня возможности перенестись немедленно къ мѣсту войны. Наконецъ, послѣ 3-хъ недѣль путешествія я вылѣзъ изъ вагона въ Мукденѣ. Хотя это было и далеко еще отъ театра войны (наши войска были подѣ Вафангоу), но близость его чувствовалась здѣсь сильно; я ошалѣлъ отъ впечатлѣній: природа, сказочный Мукденъ, наши войска въ соединеніи съ дивнымъ солнцемъ — все это какъ-то обрушилось на меня сразу и на первое время подавило меня своей новизной и грандіозностью; я смотрѣлъ во всѣ глаза и не зналъ за что схватиться. То мнѣ хочется дѣлать чудную кумирню, вырѣзывающуюся своей прихотливой — по линіи и орнаменту — крышей на темноглубомъ небѣ, то нашихъ солдатиковъ, представляющихъ такой любопытный контрастъ съ китайской обстановкой... Кромѣ всего этого, нужно было исполнять разныя формальности: побывать у намѣстника, который меня принялъ весьма любезно и даже ласково, у лицъ его свиты, выправить необходимыя бумаги и получить повязку на руку для свободного пропуска на передовыя линіи.

Наконецъ, послѣ недѣльнаго пребыванія въ Мукденѣ все устроено, и я ѣду дальше, въ Лаоянъ, думая, что сейчасъ попаду въ мѣста битвъ, но не такъ это легко: оказывается, что въ Лаоянѣ нужно подождать и получить еще бумаги. Хотя я и рвусь впередъ, но обстоятельства сильнѣе меня, и мнѣ приходится основать въ Лаоянѣ свою базу, т.-е. мѣстожительство, и уже отсюда ѣздить къ войскамъ. Отчасти я былъ

утѣшенъ тѣмъ, что Лаоянъ не менѣе живописенъ, чѣмъ Мукденъ, а, слѣдовательно, мой художественный азартъ имѣлъ богатую пищу, и я, не теряя времени, устроился при содѣйствіи моего стараго знакомаго генерала Шевалье-де-ля-Серра въ вагонѣ, который онъ мнѣ любезно предложилъ, и началъ экскурсіи по городу, рисуя и фотографируя все, что казалось мнѣ красивымъ и живописнымъ. Началъ съ кумирни „Бога войны“ Ляо-Мяо (какъ и подобаетъ баталисту) и затѣмъ работалъ по всему городу, но излюбленнымъ мѣстомъ для работъ была обширная и чрезвычайно красивая кумирня Чанго-Мяо, лежащая на окраинѣ города, у городской стѣны. Здѣсь я проводилъ цѣлые дни.

Придя разъ утромъ въ кумирню, я, къ величайшему удовольствію, узналъ, что въ ней расположился штабъ 17-го корпуса. Командиръ корпуса баронъ Бильдерлингъ зналъ меня еще ученикомъ Академіи и встрѣтилъ радушно, разрѣшивъ мнѣ работать въ его корпусѣ, что угодно.

Я постарался широко использовать его разрѣшеніе и каждый день приходилъ въ Чанго-Мяо рисовать типы солдатъ, драгунъ, артиллерію. Здѣсь же познакомился съ офицерами штаба корпуса и молодымъ графомъ Келлеромъ, сыномъ убитаго генерала.

Стояли жаркіе тропическіе дни, и освѣщеніе было такъ ярко, что я, привыкшій къ сѣверному солнцу, просто терялся отъ ослѣпительнаго свѣта и дивныхъ красокъ. Городъ былъ окруженъ старинными стѣнами, и я иногда взбирался на парапеты стѣнъ, чтобы оттуда дѣлать этюды окружающихъ городъ сопокъ и далей. Нѣсколько разъ принимался писать улицы города, но пыль, поднимаемая тучами и садившаяся густымъ слоемъ на краски и бумагу, дѣлала мои попытки тщетными.

У вокзала часто натыкался на прибывавшіе поѣзда, наполненные ранеными, и смотрѣлъ на сцены переноски раненыхъ въ госпитали и бараки. Каждый такой поѣздъ говорилъ мнѣ, что тамъ, гдѣ-то впереди, сражаются, а я принужденъ сидѣть и ждать, когда болѣе интересное дѣло тянуло меня скорѣе къ мѣсту битвы. Мнѣ казалось, что, пока я пріѣду, уже все кончится, и я ничего интереснаго не увижу.

Улица въ Мукденъ.

утѣшенъ тѣмъ, что Лаоянъ не менѣе живописенъ, чѣмъ Мукденъ, а, слѣдовательно, мой художественный азартъ имѣлъ богатую пищу, и я, не теряя времени, устроился при содѣйствіи моего стараго знакомаго генерала Шевалье-де-ля-Серра въ вагонѣ, который онъ мнѣ любезно предложилъ, и началъ экскурсіи по городу, рисуя и фотографируя все, что казалось мнѣ красивымъ и живописнымъ. Началъ съ кумирни „Бога войны“ Ляо-Мяо (какъ и подобаетъ баталисту) и затѣмъ работалъ по всему городу, но излюбленнымъ мѣстомъ для работъ была обширная и чрезвычайно красивая кумирня Чанго-Мяо, лежащая на окраинѣ города, у городской стѣны. Здѣсь я проводилъ цѣлые дни.

Придя разъ утромъ въ кумирню, я, къ величайшему удовольствію, узналъ, что въ ней расположился штабъ 17-го корпуса. Командиръ корпуса баронъ Бильдерлингъ зналъ меня еще ученикомъ Академіи и встрѣтилъ радушно, разрѣшивъ мнѣ работать въ его корпусѣ, что угодно.

Я постарался широко использовать его разрѣшеніе и каждый день приходилъ въ Чанго-Мяо рисовать типы солдатъ, драгунъ, артиллерію. Здѣсь же познакомился съ офицерами штаба корпуса и молодымъ графомъ Келлеромъ, сыномъ убитаго генерала.

Стояли жаркіе тропическіе дни, и освѣщеніе было такъ ярко, что я, привыкшій къ сѣверному солнцу, просто терялся отъ ослѣпительнаго свѣта и дивныхъ красокъ. Городъ былъ окруженъ старинными стѣнами, и я иногда взбирался на парапеты стѣнъ, чтобы оттуда дѣлать этюды окружающихъ городъ сопокъ и далей. Нѣсколько разъ принимался писать улицы города, но пыль, поднимаемая тучами и садившаяся густымъ слоемъ на краски и бумагу, дѣлала мои попытки тщетными.

У вокзала часто натыкался на прибывавшіе поѣзда, наполненные ранеными, и смотрѣлъ на сцены переноски раненыхъ въ госпитали и бараки. Каждый такой поѣздъ говорилъ мнѣ, что тамъ, гдѣ-то впереди, сражаются, а я принужденъ сидѣть и ждать, когда болѣе интересное дѣло тянуло меня скорѣе къ мѣсту битвы. Мнѣ казалось, что, пока я пріѣду, уже все кончится, и я ничего интереснаго не увижу.

ХАЙЧЕНЪ И АСАНДЗАНЪ.

Июль 1904 года.

Х а й ч е н ъ.

Приѣхалъ я изъ Мукдена въ Лаоянъ, думая, что останусь всего нѣсколько дней, чтобы осмотрѣться и устроить себѣ, выражаясь военнымъ языкомъ, базу, но не тутъ-то было; во-первыхъ, чтобы устроиться съ помѣщеніемъ, пришлось испытать страшныя препятствія и затрудненія, пока, наконецъ, благодаря милому и любезному генералу Шевалье-де-ля-Серру, я получилъ помѣщеніе въ вагонъ; во-вторыхъ, чтобы ѣхать къ дѣйствующей арміи, мнѣ нужно было выправить кучу бумагъ, въ томъ числѣ и для моего человѣка и для моихъ лошадей (которыхъ у меня еще и не было). Пока я возился со всѣмъ этимъ, произошли сраженія подъ Вафангоу и Дашичао, которыхъ мнѣ такъ и не пришлось увидѣть. Зато я хорошо помню драматическое впечатлѣніе, какое произвелъ на меня вечеръ одного лѣтняго дня, когда приѣхалъ поѣздъ и привезъ раненыхъ и убитыхъ подъ Дашичао.

Уже солнце зашло, и черный силуэтъ огромнаго локомотива стоялъ у станціи, выбрасывая клубы дыма и свѣтя своими огненными глазами. Публика замерла въ ожиданіи. Двери одного изъ вагоновъ отворились, показались санитары съ крестами на рукавахъ, за ними носилки, въ которыхъ лежала длинная фигура человѣка, завернутая въ бѣлое съ ногъ до головы. Санитары тихо подняли свою печальную ношу и понесли мимо локомотива; красный свѣтъ фонарей отразился на головѣ, плечахъ и концахъ ногъ неподвижно лежавшаго трупа.

Въ нѣмомъ и торжественномъ молчаніи смотрѣла толпа, набожно и поспѣшно обнажая головы, когда проносили убитого мимо нея. За этими носилками—еще и еще. Тяжелое и печальное зрѣлище!

Въ этотъ вечеръ мнѣ было не по себѣ, картина изнанки войны не давала мнѣ покоя и болѣзненно сжимала сердце.

Черезъ нѣсколько дней, устроившись окончательно, я рѣшилъ ѣхать къ передовымъ частямъ нашей арміи.

Войска наши были у Хайчена; я могъ добраться туда и по желѣзной дорогѣ, такъ какъ не имѣлъ еще лошади. Сказано, сдѣлано; взявъ краски, аппаратъ и кое-что изъ багажа, я отправился.

Поездъ подѣхалъ къ Хайчену уже подъ вечеръ, и прежде всего нужно было подумать, гдѣ провести ночь.

Все было переполнено: на вокзалѣ мѣста не было. Я обратился къ начальнику станціи, прося его помочь; онъ сказалъ, что у него въ купе спитъ уже 3 человѣка, а о другомъ помѣщеніи и думать нечего. „Впрочемъ“, прибавилъ онъ, „я вамъ дамъ добрый совѣтъ, если хотите найти пріютъ, то обратитесь въ Курскую земскую общину Краснаго Креста, которая тутъ недалеко, у вокзала“. Я поблагодарилъ за совѣтъ и пошелъ въ общину, которая находилась у полотна дороги.

Вошелъ въ большую палатку со столомъ, уставленнымъ чайными приборами, и увидѣлъ 2-хъ миловидныхъ сестеръ милосердія, которыя приготавливали чай.

Нужда дѣлаетъ человѣка смѣлымъ и рѣшительнымъ. Поздоровавшись, я прямо объявилъ, что ищу у нихъ пріюта. Одна изъ сестеръ тотчасъ же отправилась къ завѣдывающему отрядомъ. Черезъ минуту вошелъ въ палатку господинъ высокаго роста, съ необыкновенно симпатичнымъ и добрымъ лицомъ. Я представился и получилъ самое радушное приглашеніе. Онъ представилъ меня доктору и своему помощнику, которые вошли вслѣдъ за нимъ. Всѣ успѣли пить чай. Въ палатку пришли еще двое раненыхъ офицеровъ, и все общество

оживленно бесѣдовало, конечно, о войнѣ. Послѣ чая меня отвели въ обширную, прекрасно устроенную палатку и показали мѣсто, гдѣ я могъ провести ночь. Вообще радушіе этихъ людей заставляетъ меня вспоминать время, проведенное у нихъ, съ чувствомъ живѣйшей благодарности.

Было еще совсѣмъ свѣтло, и спать мнѣ не хотѣлось, я вышелъ изъ палатки на воздухъ. Въ это время принесли

7 человѣкъ раненыхъ съ передовой линіи; между ними былъ одинъ раненый 4-мя пулями въ обѣ руки, но безъ перелома костей: онъ могъ свободно владѣть руками. Я угостилъ его папироской, а онъ, куря, преспокойно рассказывалъ мнѣ, что отбилъ двухъ муловъ у непріятеля и былъ этимъ очень доволенъ. Одинъ изъ принесенныхъ раненъ былъ тяжело и былъ въ безсознательномъ состояніи.

Быстро взялся за дѣло опытный докторъ, съ помощью нѣжныхъ рукъ сострадательныхъ и внимательныхъ сестеръ; снялъ первыя повязки, отмочилъ отъ ранъ вату и наложилъ новыя повязки, одному вынулъ пулю, и черезъ часъ всѣ они въ чистомъ бѣльѣ уже лежали въ кроватяхъ; сестры кормили и поили бѣдныхъ, измученныхъ страдальцевъ. Я былъ растроганъ тою заботливостью и вниманіемъ, которыя проявляли весь персоналъ общины къ раненымъ.

Пужинавъ вмѣстѣ со всѣми, я пошелъ въ палатку. Ночь была теплая, и я долго не спалъ, прислушиваясь къ звукамъ шаговъ и стуку колесъ обозовъ и артиллеріи, дѣлавшихъ ночное передвиженіе.

Когда проснулся—было чудное утро. Мои добрые хозяева еще спали, утомленные вчерашней работой. Я нашелъ проснувшагося человѣка изъ прислуги, который напоилъ меня чаемъ, и, взявъ свои принадлежности для работы, я отправился черезъ городъ, по направленію доносившихся выстрѣловъ, къ синѣющимъ вдали сопкамъ.

Іюльское солнце пекло сильно; я медленно поднимался въ гору, на верху которой копошились фигурки нашихъ солдатъ. Тропинка поднималась все выше и выше, и, наконецъ, я вылѣзъ на самую верхушку. Здѣсь я увидѣлъ работающихъ саперъ и на самой маковкѣ молодого безусаго офицера, сидящаго подъ китайскимъ краснымъ зонтикомъ. Ко мнѣ подошелъ молодой человѣкъ, вольноопредѣляющійся; познакомившись со мной, онъ очень обрадовался, узнавъ, что я художникъ, представилъ меня офицеру и побѣждалъ позвать другого вольноопредѣляющагося, своего товарища, ученика Одесской рисовальной школы. Оба они оказались очень симпатичными людьми, и я съ удовольствіемъ провелъ съ ними нѣкоторое время въ пріятной бесѣдѣ; впоследствии я не разъ встрѣчался съ ними.

Простившись съ моими новыми пріятелями, я отправился дальше, на выстрѣлы. Мѣстность была чудесная: высокія скалы, тона жженой terre-de-Sienne съ зелеными корявыми въ китайскомъ стилѣ сосенками, съ живописными кумирнями на скалахъ и темноглубымъ небомъ; хотѣлось сейчасъ сѣсть и рисовать, но жара была невыносимая.

Пройдя еще верстъ пять, я дошелъ до расположенія Моршанскаго пѣхотнаго полка; дальше итти не было силъ; на ногѣ у меня отъ продолжительной ходьбы натерся водяной пузырь, и ступать на эту ногу было очень мучительно; кромѣ того, я былъ весь мокрый отъ пота, и мое бѣлье, платье и даже сапоги прилипали къ тѣлу; прибавивъ сюда пыль и неутолимую жажду, получилась полная невозможность двигаться дальше.

Я зашелъ въ разрушенную фанзу, около которой денщики готовили обѣдъ для офицеровъ; попросилъ ихъ вскипятить кипятокъ и угостить меня чаемъ, самъ же совершенно раздѣлся и, оставшись въ костюмѣ Адама, вывѣсилъ все свое бѣлье и костюмъ на солнце.

Пока я пилъ чай, сидя на цыновкѣ, принесенной мнѣ солдатомъ, мое платье и бѣлье высохли, и я, одѣвшись и оправившись, былъ опять бодръ и хотѣлъ было итти далѣе, но солнце уже склонялось къ вечеру, и я побоялся забираться слишкомъ впередъ, тѣмъ болѣе, что канонада значительно ослабѣла, и изрѣдка только были слышны выстрѣлы, а до сопокъ еще было далеко. Подумавъ, я рѣшилъ вернуться. До Хайчена было далеко, и я добрался туда къ вечеру, когда солнце уже зашло. Въ этотъ день я сдѣлалъ пѣшкомъ верстъ 30 по 40-градусной жарѣ; для меня это была порція небольшая, если бы не моя натертая нога, которая давала себя чувствовать.

Зайдя къ моимъ радушнымъ Курянамъ и рассказавъ свои приключенія, я поужиналъ съ ними и, сѣвъ въ поѣздъ, уѣхалъ въ Лаоянъ полѣчить ногу, передъ новыми, предстоявшими мнѣ походами.

Спѣшное донесеніе.

Простившись съ моими новыми пріятелями, я отправился дальше, на выстрѣлы. Мѣстность была чудесная: высокія скалы, тона жженой terre-de-Sienne съ зелеными корявыми въ китайскомъ стилѣ сосенками, съ живописными кумирнями на скалахъ и темноглубымъ небомъ; хотѣлось сейчасъ сѣсть и рисовать, но жара была невыносимая.

Пройдя еще верстъ пять, я дошелъ до расположенія Моршанскаго пѣхотнаго полка; дальше итти не было силъ; на ногѣ у меня отъ продолжительной ходьбы натерся водяной пузырь, и ступать на эту ногу было очень мучительно; кромѣ того, я былъ весь мокрый отъ пота, и мое бѣлье, платье и даже сапоги прилипали къ тѣлу; прибавивъ сюда пыль и неутолимую жажду, получилась полная невозможность двигаться дальше.

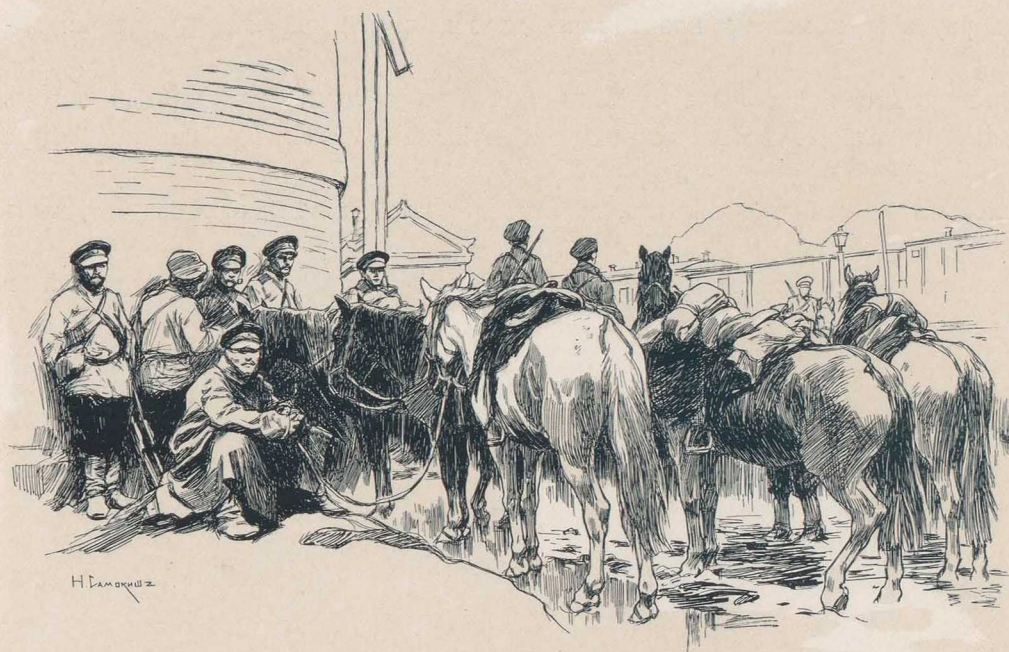
Я зашелъ въ разрушенную фанзу, около которой денщики готовили обѣдъ для офицеровъ; попросилъ ихъ вскипятить кипятокъ и угостить меня чаемъ, самъ же совершенно раздѣлся и, оставшись въ костюмѣ Адама, вывѣсилъ все свое бѣлье и костюмъ на солнце.

Пока я пилъ чай, сидя на цыновкѣ, принесенной мнѣ солдатомъ, мое платье и бѣлье высохли, и я, одѣвшись и оправившись, былъ опять бодръ и хотѣлъ было итти далѣе, но солнце уже склонялось къ вечеру, и я побоялся забираться слишкомъ впередъ, тѣмъ болѣе, что канонада значительно ослабѣла, и изрѣдка только были слышны выстрѣлы, а до сопокъ еще было далеко. Подумавъ, я рѣшилъ вернуться. До Хайчена было далеко, и я добрался туда къ вечеру, когда солнце уже зашло. Въ этотъ день я сдѣлалъ пѣшкомъ верстъ 30 по 40-градусной жарѣ; для меня это была порція небольшая, если бы не моя натертая нога, которая давала себя чувствовать.

Зайдя къ моимъ радушнымъ Курянамъ и рассказавъ свои приключенія, я поужиналъ съ ними и, сѣвъ въ поѣздъ, уѣхалъ въ Лаоянъ полѣчить ногу, передъ новыми, предстоявшими мнѣ походами.

Асандзанъ.

Прошло нѣсколько дней послѣ поѣздки въ Хайченъ, нога моя почти зажила, и я могъ свободно ходить.

Наши войска отступили къ Асандзану. Опять я ѣду по желѣзной дорогѣ, но погода измѣнилась: дождь моросить уже два дня, все мокро и пасмурно. Подѣзжаю къ вокзалу, гдѣ подъ сквернымъ досчатымъ навѣсомъ вижу массу промокшихъ офицеровъ и между ними моего стараго знакомаго Демчинскаго (корреспондента московской газеты). Всѣ жмутся подъ дырявымъ навѣсомъ, станція полна народу. У водокачки стоятъ казачьи лошади, къ стѣнкѣ прижались промокшіе казаки, группа очень живописна и съ большимъ настроеніемъ. Я хочу ихъ снять; чтобы подойти на должное разстояніе, лѣзу въ грязь по колѣна и снимаю.

Я уѣхалъ изъ Лаояна утромъ и ничего не ѣлъ; почувствовалъ пустоту въ желудкѣ и рѣшилъ закусить, прежде чѣмъ отправлюсь далѣе къ линіямъ расположенія войскъ.

Демчинскій тоже не прочь былъ покушать, но легче захотѣть, чѣмъ получить что-нибудь: масса народу истребляла все и перехватывала блюда на пути къ намъ. Наскучивъ ждать, я иду въ кухню, весьма грязную и отвратительную, хватаю котлеты для себя и для Демчинскаго и несу все это подъ навѣсъ, гдѣ съ трудомъ отыскиваю мѣсто, на которое не каплетъ вода. Ёсть пришлось стоя, всѣ сидѣнья были заняты. Въ это время изъ своего поѣзда вышелъ главнокомандующій въ сѣрой шинели, за нимъ кое-кто изъ свиты въ непромокайкахъ и плащахъ. Ему поднесли пробную порцію, онъ ѣстъ тутъ же, на дождѣ, и затѣмъ, пройдя вдоль вагоновъ, уходитъ къ себѣ. Дождь понемногу пересталъ, и я отправляюсь къ войскамъ, бивуакирующимъ въ верстѣ отъ Асандзана. Дорога безобразна: грязь, лужи и потоки мутной воды. Скользя и падая, взбираюсь на откосъ и у подошвы сопки вижу лагерь, гдѣ, плавая на гаоляновыхъ подстилкахъ, лежатъ солдаты подъ мокрыми обвисшими полами палатокъ.

Все какъ-то съѣжилось, и все попряталось; вдали дымятъ походныя кухни. Я пошелъ вдоль лагеря и, найдя удобное мѣсто въ одной оставленной фанзѣ, усѣлся дѣлать акварелью пейзажъ, который былъ очень интересенъ. Сопки терялись въ сѣдой дымкѣ тумана и испареній; на этомъ фонѣ таинственно выступали группы деревьевъ и фанзъ, все это было чуть намѣчено и въ самыхъ нѣжныхъ голубовато-сѣрыхъ тонахъ. Проработалъ я часа два и, кончивъ работу, пошелъ къ вокзалу, боясь пропустить поѣздъ, такъ какъ ночевать было негдѣ, и знакомыхъ, кромѣ Демчинскаго, который тоже уѣхалъ, никого не было. Поѣзда ходили фанта-

стически: никакого расписанія не было, и поэтому нужно было караулить моментъ, иначе приходилось ждать и ждать весьма неопредѣленное время.

Наконецъ, поѣздъ поданъ, и гурьба народу устремилась въ вагоны, кто куда; было пріятно сѣсть въ относительно чистый вагонъ послѣ грязи и слякоти. Въ поѣздѣ, къ величайшему удовольствію, встрѣтилъ я своего давнишняго пріятеля П. Н. Краснова, офицера Атаманскаго полка, корреспондента „Русскаго Инвалида“.

Мы помѣстились въ одномъ купе, въ которомъ было еще нѣсколько человѣкъ военныхъ, и весело разговаривали всю дорогу, такъ что незамѣтно подѣхали къ Лаояну.

Придя въ вагонъ, гдѣ я жилъ, я прежде всего перемѣнилъ промокшее платье и затѣмъ легъ и крѣпко заснулъ, усталый и измученный дождемъ.

У ДРАГУНЪ НА ТАЙДЗЫХЭ

(52-й Драгунскій Нѣжинскій полкъ).

Въ виду слуховъ, что японцы наступаютъ, я, въ ожиданіи большихъ сраженій, оставался въ Лаоянѣ. Работалъ я въ кумирнѣ Чанго-Мяу, которая своей живописной архитектурой и красивымъ мѣстоположеніемъ давала мнѣ массу чуднаго матеріала для этюдовъ и рисунковъ. Въ этой же кумирнѣ, какъ я выше указалъ, былъ расположенъ штабъ 17-го корпуса. 6-го Августа, придя въ кумирню, я уже не засталъ штаба; онъ выступилъ рано поутру, а въ кумирнѣ остался постъ летучей почты при 2 офицерахъ отъ 52-го Нѣжинскаго драгунскаго полка. Найдя подходящее мѣсто, я принялся работать; черезъ нѣсколько времени подошли ко мнѣ офицеры, корнетъ Кишкинъ и Трояновскій, познакомились со мной, посмотрѣли мою работу и пригласили меня попить чайку (обыкновенное угощеніе въ Манчжуріи). За чаемъ мы разговорились, и я набросалъ сценку въ фанзѣ изъ жизни летучей почты. Молодые офицеры произвели на меня самое симпатичное впечатлѣніе, и я охотно

Кумирня Чанго-Мяу.

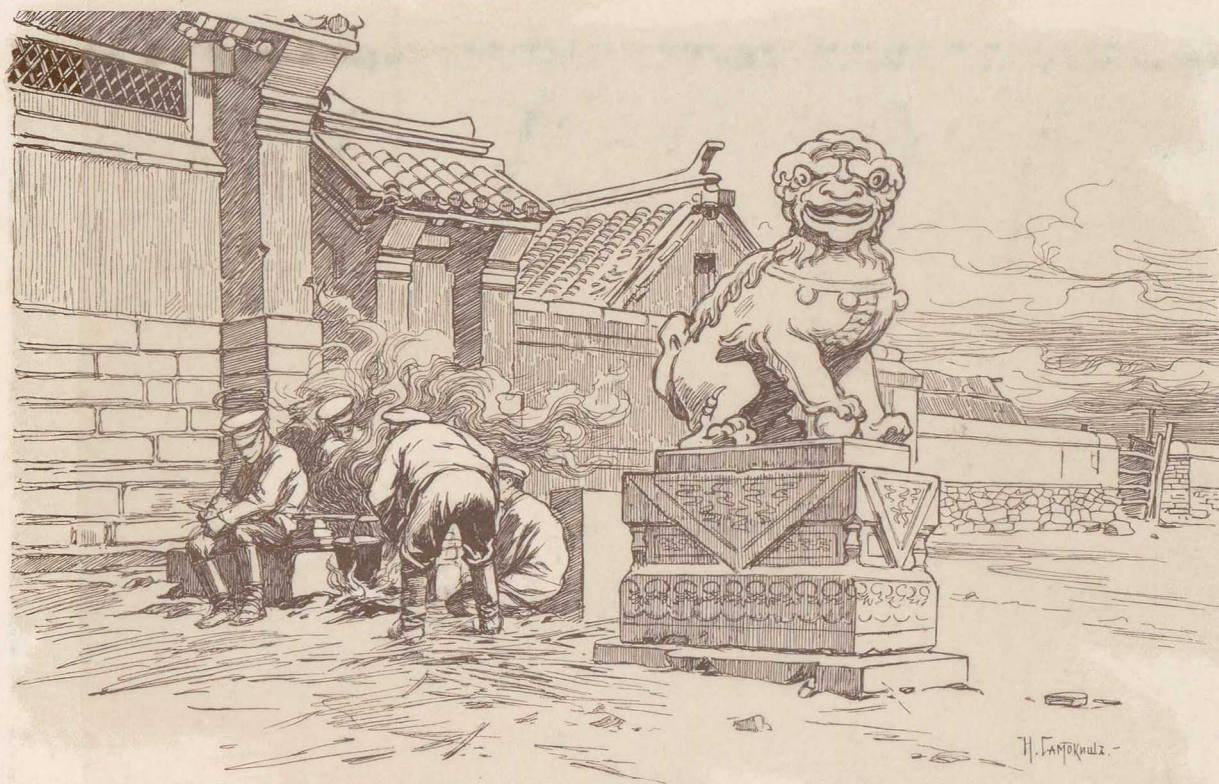
кобыла „Изида“, доброе и послушное животное, на котором я сдѣлалъ много верстъ, и которая вынесла меня изъ жаркаго огня подѣ Сыквантунемъ. Взобравшись на солдатскій ленчикъ, который не отличается особенной мягкостью, я все-таки почувствовалъ подѣ собой настоящую кавалерійскую лошадь и съ величайшимъ удовольствіемъ тронулся въ путь. Мы выѣхали изъ воротъ Лаояна и слѣдовали по пути расположенія постовъ, забирая съ собой части, расположенныя на этихъ постахъ, такъ что нашъ отрядъ, по мѣрѣ движенія впередъ, все увеличивался. Пройдя верстъ 20, въ виду наступленія темноты, мы свернули съ дороги и остановились среди живописнаго китайскаго кладбища, огороженнаго деревьями. Сейчасъ же устроился бивакъ, разбили палатку для офицеровъ, подѣ деревьями зажгли костры, привязали лошадей, изъ сѣделъ и попонокъ устроили себѣ постели, закипѣлъ чай, и мы всѣ, бодрые и веселые, поползли въ палатку спать. Подѣ впечатлѣніемъ начинающейся для меня походной жизни, я долго не могъ заснуть. Красиво были освѣщены свѣтомъ костра бѣлыя лошади драгунъ. Подѣ деревьями блестѣло яркими бликами оружіе, а по землѣ въ таинственномъ сумракѣ лежали завернутые въ шинели драгуны. Тишина ночи была нарушена только разъ топотомъ копытъ: вблизи лагеря промчался всадникъ, очевидно, съ донесеніемъ. Потомъ я сквозь сонъ слышалъ, какъ эскадронный командиръ распекалъ сторожевыхъ, за что — уже не помню.

пришелъ на другой и на третій день къ моимъ новымъ знакомымъ. На четвертый день пріѣхалъ эскадронный командиръ для смѣны постовъ (заступалъ, вмѣсто 3-го, 2-й эскадронъ). Я познакомился съ командиромъ Коломнинымъ и получилъ отъ него любезное приглашеніе поѣхать вмѣстѣ съ нимъ въ полкъ, стоявшій въ деревнѣ Квантунъ на рѣкѣ Тайдзыхэ.

Надо сказать, что еще въ Петербургѣ я мечталъ попасть въ Нѣжинскій драгунскій полкъ; онъ почему-то представлялся мнѣ какимъ-то роднымъ (я самъ уроженецъ города Нѣжина, гдѣ и воспитывался въ тамошней гимназіи). Я очень обрадовался случаю, который самъ лѣзъ ко мнѣ въ руку, немедленно согласился на любезное предложеніе и побѣжалъ домой. Собрался я наскоро (разсчитывалъ пробыть всего 3-4 дня въ Квантунѣ); захватилъ мои рисовальныя принадлежности, фотографическій аппаратъ, плащъ, полотенце, 2 носовыхъ платка и съ этимъ легкимъ багажемъ прибылъ въ кумирню.

Драгуны еще не ступали; я воспользовался временемъ и зарисовалъ больную лошадь, лежавшую посреди двора, которую рѣшено было пристрѣлить. Часа въ 4 дня, послѣ обѣда изъ солдатскаго котла, взводъ посѣдлалъ, и мнѣ подведена была бѣлая

Кумирня Чанго-Мяу.

кобыла „Изида“, доброе и послушное животное, на которомъ я сдѣлалъ много верстъ, и которая вынесла меня изъ жаркаго огня подь Сыквантунемъ. Взобравшись на солдатскій ленчикъ, который не отличается особенной мягкостью, я все-таки почувствовалъ подь собой настоящую кавалерійскую лошадь и съ величайшимъ удовольствіемъ тронулся въ путь. Мы выѣхали изъ воротъ Лаояна и слѣдовали по пути расположенія постовъ, забирая съ собой части, расположенныя на этихъ постахъ, такъ что нашъ отрядъ, по мѣрѣ движенія впередъ, все увеличивался. Пройдя верстъ 20, въ виду наступленія темноты, мы свернули съ дороги и остановились среди живописнаго китайскаго кладбища, огороженнаго деревьями. Сейчасъ же устроился бивакъ, разбили палатку для офицеровъ, подь деревьями зажгли костры, привязали лошадей, изъ сѣделъ и попонокъ устроили себѣ постели, закипѣлъ чай, и мы всѣ, бодрые и веселые, поползли въ палатку спать. Подь впечатлѣніемъ начинающейся для меня походной жизни, я долго не могъ заснуть. Красиво были освѣщены свѣтомъ костра бѣлыя лошади драгунъ. Подь деревьями блестяло яркими бликами оружіе, а по землѣ въ таинственномъ сумракѣ лежали завернутые въ шинели драгуны. Тишина ночи была нарушена только разъ топотомъ копытъ: вблизи лагеря промчался всадникъ, очевидно, съ донесеніемъ. Потомъ я сквозь сонъ слышалъ, какъ эскадронный командиръ распекалъ сторожевыхъ, за что — уже не помню.

пришелъ на другой и на третій день къ моимъ новымъ знакомымъ. На четвертый день пріѣхалъ эскадронный командиръ для смѣны постовъ (заступалъ, вмѣсто 3-го, 2-й эскадронъ). Я познакомился съ командиромъ Коломнинымъ и получилъ отъ него любезное приглашеніе поѣхать вмѣстѣ съ нимъ въ полкъ, стоявшій въ деревнѣ Квантунъ на рѣкѣ Тайдзыхэ.

Надо сказать, что еще въ Петербургѣ я мечталъ попасть въ Нѣжинскій драгунскій полкъ; онъ почему-то представлялся мнѣ какимъ-то роднымъ (я самъ уроженецъ города Нѣжина, гдѣ и воспитывался въ тамошней гимназіи). Я очень обрадовался случаю, который самъ лѣзъ ко мнѣ въ руку, немедленно согласился на любезное предложеніе и побѣжалъ домой. Собрался я наскоро (разсчитывалъ пробыть всего 3-4 дня въ Квантунѣ); захватилъ мои рисовальныя принадлежности, фотографическій аппаратъ, плащъ, полотенце, 2 носовыхъ платка и съ этимъ легкимъ багажемъ прибылъ въ кумирню.

Драгуны еще не заступали; я воспользовался временемъ и зарисовалъ больную лошадь, лежавшую посреди двора, которую рѣшено было пристрѣлить. Часа въ 4 дня, послѣ обѣда изъ солдатскаго котла, взводъ посѣдлалъ, и мнѣ подведена была бѣлая

Когда я проснулся, сѣрый туманъ покрывалъ весь пейзажъ. Лагерь уже поднялся, солдаты убирали лошадей, офицеры еще спали. Я воспользовался моментомъ, набросалъ нашу палатку и спящихъ въ ней офицеровъ. Выпивъ наскоро по стакану чаю, мы опять сѣли на коней и двинулись дальше, забирая посты и присоединяя ихъ къ нашему эскадрону.

Дорога была неважная: глинистый грунтъ отъ недавно выпавшаго дождя размякъ. Безпрерывно приходилось то подниматься въ гору, то спускаться; ѣхать по дорогѣ, изрытой глубокими, наполненными водою колеями, было трудно; по бокамъ дороги были довольно глубокія канавы, а за ними тянулись стѣны гаоляна, выше всадника на лошади.

Командиръ эскадрона ѣхалъ впереди на славной сѣрой лошади, за нимъ сейчасъ же ѣхалъ я на своей Изидѣ, сзади ѣхали офицеры и эскадронъ, вытянутый лентой по дорогѣ. Узкая тропинка съ боку канавы давала возможность объѣхать большую лужу среди дороги; лошадь эскадроннаго командира, ступивъ на край рва передними ногами, оборвалась въ канаву, а задними очутилась въ лужѣ, я едва не послѣдовалъ за командиромъ и только-только успѣлъ свернуть коня и перепрыгнуть черезъ канаву. Остановивъ Изиду, я увидѣлъ, что эскадронный командиръ лежалъ на боку подъ лошадыю, которая билась въ грязи, желая встать на ноги. Я только-что хотѣлъ достать свой аппаратъ, чтобы запечатлѣть это происшествіе, какъ драгуны

спѣшили, бросились къ своему командиру, и мигомъ онъ и его лошадь стояли на ногахъ, но выпачканные грязью самымъ ужаснымъ образомъ.

Все обошлось благополучно, и всадникъ и лошадь не получили серьезныхъ поврежденій. Послѣ этого приключенія мы продолжали нашу дорогу и часамъ къ 4-мъ дня съ одного высокаго пригорка увидѣли долину рѣки Тайдзыхэ и деревню Квантунъ — цѣль нашего путешествія.

Съ перваго взгляда я, какъ художникъ, уже полюбилъ эту мѣстность.

Дивная панорама рѣки, широкой лентой вьющейся по обширной долинѣ; кругомъ обступили горы со скалистыми обрывами, на которыхъ пріютились китайскія деревушки со своими всегда живописными кумирнями; все это, позолоченное вечернимъ солнцемъ, представляло чудную, мирную картину природы, и не хотѣлось вѣрить, что эта рѣка есть уже передовой постъ, что за ней уже все не наше, и что за этой голубой лентой уже нельзя ѣхать такъ свободно и наслаждаться красотой природы, такъ какъ тамъ ваши эстетическія наслажденія могутъ быть прерваны весьма прозаическимъ трескомъ выстрѣла и свистомъ пули, если не японской, то хунгузской.

Нашъ эскадронъ втянулся въ улицу и сталъ пробираться между фанзами. Поравнявшись съ одной изъ болѣе обширныхъ фанзъ, драгунъ сказалъ мнѣ, что она отведена для нашего командира и его офицеровъ, а сосѣднія фанзы для людей 3-го эскадрона. Съ удовольствіемъ слѣзъ я во дворъ нашей фанзы съ моей Изиды; цѣлый день ѣзды отозвался на моихъ ногахъ, и я съ трудомъ двинулся въ фанзу. Деревенская фанза хотя и не была роскошна, но довольно просторна и уютна; единственно, что портило впечатлѣніе, это противный запахъ

Помѣщеніе летучей почты.

отъ огромной глиняной чумизной квашни, которая помѣщается у дверей каждой фанзы. Запахъ этотъ возбуждаетъ тошноту у свѣжаго человѣка и вмѣстѣ съ бобовымъ масломъ представляетъ букетъ, сразу непереносимый, хотя потомъ свыкаешься съ нимъ и почти не замѣчаешь его.

Въ фанзѣ насъ встрѣтилъ красивый офицеръ восточнаго типа, лѣтъ за 50, полковникъ Мирза-Али-Гули, привѣтливо поздоровался съ нами и пригласилъ раздѣлить помѣщеніе съ нимъ. Я занялъ свой уголокъ на канѣ и устроился какъ можно удобнѣе.

На другой день я былъ приглашенъ въ общую офицерскую столовую, организованную въ полку однимъ изъ офицеровъ полка, подполковникомъ Мирбахомъ.

Я и мои сожителѣ по фанзѣ около 12 часовъ отправились въ столовую.

Мы прошли черезъ площадь, посреди которой была небольшая кумирня, гдѣ была квартира полкового командира.

Большая фанза, устроенная опрятно и уставленная столами и скамейками въ два ряда, служила общей офицерской столовой, сбоку отъ входа помѣщалась кухня.

Меня представили полковому командиру, полковнику Стаховичу, который любезно предложилъ мнѣ мѣсто около себя и представилъ остальныхъ офицерамъ полка. Обѣдъ былъ очень вкусный, и надо было удивляться организаторской способности подполковника Мирбаха, который сумѣлъ среди боевой обстановки устроить такую прекрасную столовую. Послѣ обѣда мы пили чай и вели оживленную бесѣду, конечно, о войнѣ и о нашемъ положеніи въ виду непріятеля, но все это было говорено, какъ о чемъ-то еще далекомъ. Никто не предполагалъ, что черезъ нѣсколько дней придется столкнуться вплотную съ японцами.

На слѣдующій день, взявъ свой фотографическій аппаратъ, я отправился на рекогносцировку мѣстности. Выборъ мотивовъ для этюдовъ былъ не труденъ: все было живописно и красиво, краски горѣли подъ дивнымъ августовскимъ солнцемъ Манчжуріи. Я снялъ нѣсколько интересныхъ сценъ, вернулся домой и, захвативъ ящикъ съ красками, отправился на скалистый обрывъ, съ котораго былъ видъ на чудную долину Тайдзыхэ и ущелья горъ. Написавъ этюдъ, я къ полудню вернулся въ деревню и пошелъ обѣдать. За обѣдомъ командиръ полка попенялъ мнѣ за то, что я уходилъ одинъ на работу вдали отъ деревни, и предупредилъ, чтобы я не очень довѣрялъ

кажущемуся спокойствію. Очевидно, онъ имѣлъ уже свѣдѣнія о движеніи непріятеля. Я продолжалъ ежедневно ходить на этюды, забывъ предостереженіе, и черезъ нѣсколько дней думалъ уже ѣхать обратно, тѣмъ болѣе, что мои фотографическія пленки пришли къ концу. Но меня выручилъ Н. Н. Мирбахъ, любезно предложивъ свой аппаратъ и пленки; я очень былъ этимъ обрадованъ и благодаренъ ему за любезное одолженіе. Получивъ пленки, я отложилъ свой отъѣздъ на неопредѣленное время, такъ какъ жилось мнѣ тутъ хорошо, и была дивная натура для этюдовъ. Черезъ нѣсколько дней пріѣхалъ въ полкъ бригадный генералъ Степановъ, къ которому я имѣлъ рекомендательныя письма; онъ ласково принялъ меня, сидя съ своими адъютантами на дворѣ фанзы, и угостилъ засахаренными фруктами (лакомство, рѣдкое въ походѣ).

Вскорѣ послѣ пріѣзда генерала, полковникъ Стаховичъ праздновалъ 20 лѣтъ службы въ офицерскихъ чинахъ; я былъ приглашенъ на грандіозный ужинъ съ шашлыкомъ. На дворѣ фанзы-столовой былъ разведенъ огромный костеръ, и на шомполахъ жарили шашлыки въ присутствіи всего наличнаго состава офицеровъ. На вечернемъ фонѣ теплаго манчжурскаго неба это была прекрасная картина походной жизни. Любезный хозяинъ, виновникъ торжества, угощалъ гостей, говорили рѣчи и провозглашали тосты; время прошло незамѣтно, и мы,

но люди всѣ были цѣлы. Въ одинъ изъ дальнихъ разъѣздовъ отправился мой сожитель по фанзѣ, молодой офицеръ Т. На другой день прискакалъ драгунъ съ карточкой ко мнѣ, гдѣ Т. писалъ: „Николай Семеновичъ, пріѣзжайте ко мнѣ съ драгуномъ. Здѣсь чудная мѣстность“.

Я началъ въ это время очень интересный для меня этюдъ и потому порѣшилъ ѣхать на другой день, написавъ записку, что буду завтра. Драгунъ ускакалъ, а я спокойно кончилъ свою работу и вернулся въ фанзу, гдѣ меня ждалъ живительный чай, безъ котораго въ Манчжуріи нельзя существовать: онъ освѣжаетъ, ободряетъ и согрѣваетъ. Мы сидѣли, курили и вели мирную бесѣду о далекой родинѣ. Мирза-Али-Гули показывалъ портреты своихъ дѣтей, милыхъ малютокъ, фотографіи которыхъ онъ только-что получилъ съ летучей почтой. На дворѣ весело трещалъ

Подполковникъ Н. Н. Мирбахъ.

простившись, отправились спать по нашимъ фанзамъ.

Все это время полкъ дѣятельно несъ сторожевую службу по берегу Тайдзыхэ, высылая усиленные разъѣзды и патрули, а равно и предпринимая поѣздки болѣе крупными частями на другой берегъ, гдѣ предполагался непріятель. Переправа была не изъ легкихъ: отъ дождей рѣка поднялась, и людямъ и лошадямъ приходилось употреблять много труда въ борьбѣ съ быстрымъ и глубокимъ потокомъ.

Молодые офицеры, мои сожители по фанзѣ, охотно отправлялись на развѣдки. Со дня на день стали появляться тревожныя извѣстія, что разъѣзды стали наткаться на непріятеля; то тотъ, то другой разъѣздъ, возвратившись, рассказывалъ, что былъ обстрѣлянъ, но все шло своимъ чередомъ, было ранено нѣсколько лошадей,

Берег Тайдзыхэ.—Стрѣлокъ охотничьей команды слѣдитъ за японцами.

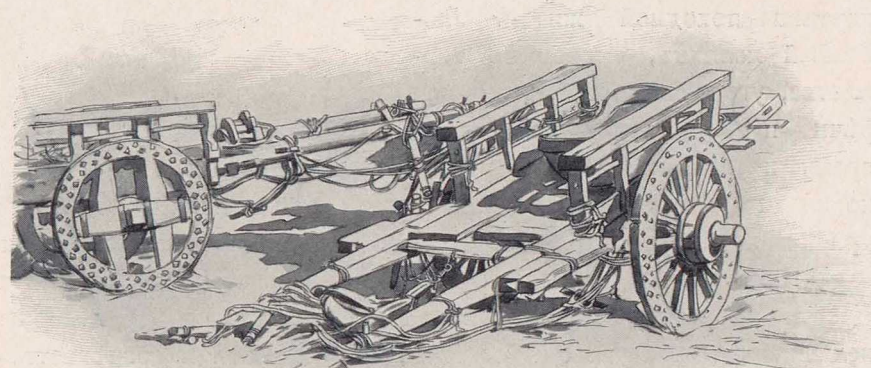
ныхъ въ эту ночь по деревнѣ и по берегу рѣки. По дворамъ слышны были возня драгунъ, сѣдлающихъ лошадей, и суета денщиковъ съ офицерскими выюками. Врядъ ли кто могъ спокойно спать, но все-таки я прилегъ; думалъ, что не засну, но заснулъ и очень крѣпко. Проснулся отъ шума на дворѣ; уже совсѣмъ было видно: легкій туманъ поднимался съ Тайдзыхэ, и драгуны 3-го эскадрона выстраивались вдоль улицы. У кумирни стояли офицерскія лошади, и непрерывно подѣзжали драгуны съ донесеніями. Вышелъ полковой командиръ съ генераломъ Степановымъ, вынесли штандартъ, взводъ, подѣ командой корнета Т., принялъ его и медленно поѣхалъ изъ деревни, впереди двигался раньше отправленный обозъ. Я любовался этой спокойной дѣятельностью людей, имѣющихъ непріятеля у себя на плечахъ. Видя, что мой 3-й эскадронъ уходитъ, я взобрался на свою Изиду и примкнулъ къ эскадрону. Черезъ верстъ восемь насъ обогналъ полковой командиръ съ своими ординарцами, а, немного спустя, былъ отданъ приказъ остановиться.

Мы стали на берегу Тайдзыхэ, круто спускавшемся въ рѣку обрывомъ, саженой въ десять высоты. Драгуны 3-го эскадрона спѣшились и расположились подѣ прикрытіемъ гаоляна, сюда же подтянулись и остальные эскадроны, расположившись вокругъ возвышеннаго пункта на берегу. Послѣдній эскадронъ

огонекъ, денщики готовили незатѣйливый ужинъ, а китайцы, наши хозяева, стояли у дверей и разсматривали насъ съ безцеремоннымъ любопытствомъ, не стѣсняясь галдѣли и выражали свое мнѣніе о насъ; ребяташки ихъ подходили смѣло къ намъ и ощупывали разные предметы, лежавшіе въ фанзѣ.

Совершенно неожиданно было появленіе корнета Т., который вернулся съ развѣдки очень взволнованнымъ и, ничего намъ не сказавъ, отправился съ докладомъ къ командиру полка. Мы всѣ насторожились; сразу пронеслось что-то тревожное; китайцы куда-то исчезли; у всѣхъ лица стали серьезныя. Черезъ полчаса вернулся Т. и сообщилъ приказаніе командира сѣдлатъ лошадей и вьючныхъ муловъ, спать въ полной готовности къ немедленному выступленію. Оказалось, что выше Квантуна, верстахъ въ 35-и, по Тайдзыхэ уже началась переправа японцевъ по понтонамъ, наведеннымъ въ одну ночь. Пѣхотная часть, силою въ 1 баталіонъ, была уже на этомъ берегу. Нашъ полкъ составлялъ крайнюю точку нашей передовой охраны и поэтому если не сегодня ночью, то завтра долженъ былъ прійти въ столкновеніе съ непріателемъ; не имѣя ни пѣхоты, ни артиллеріи, онъ не могъ мѣшать переправѣ, а тѣмъ болѣе вступить въ бой съ превосходными силами противника. Рѣшено было, выждавъ утра, медленно отходить, наблюдая за непріателемъ.

Я вышелъ на дворъ; въ ночной тишинѣ какъ-то особенно торжественно раздавались слова команды и топотъ усиленныхъ патрулей, выслан-

Тревога.

Берег Тайдзыхэ.—Стрѣлокъ охотничьей команды слѣдитъ за японцами.

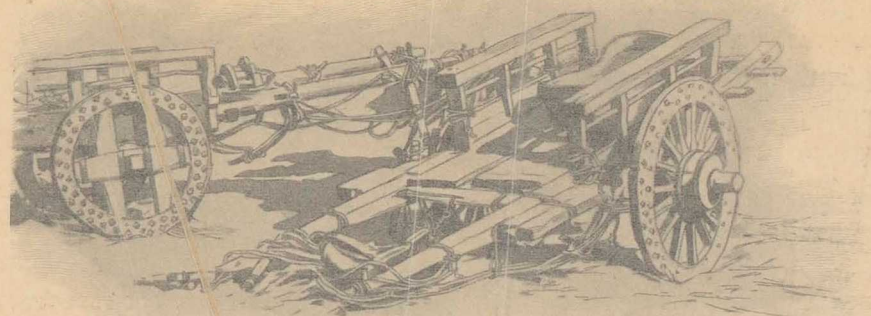
ныхъ въ эту ночь по деревнѣ и по берегу рѣки. По дворамъ слышны были возня драгунъ, сѣдлающихъ лошадей, и суeta денщиковъ съ офицерскими вьюками. Врядъ ли кто могъ спокойно спать, но все-таки я прилегъ; думалъ, что не засну, но заснулъ и очень крѣпко. Проснулся отъ шума на дворѣ; уже совсѣмъ было видно: легкій туманъ поднимался съ Тайдзыхэ, и драгуны 3-го эскадрона выстраивались вдоль улицы. У кумирни стояли офицерскія лошади, и непрерывно подѣзжали драгуны съ донесеніями. Вышелъ полковой командиръ съ генераломъ Степановымъ, вынесли штандартъ, взводъ, подъ командой корнета Т., принялъ его и медленно поѣхалъ изъ деревни, впереди двигался раньше отправленный обозъ. Я любовался этой спокойной дѣятельностью людей, имѣющихъ непріятеля у себя на плечахъ. Видя, что мой 3-й эскадронъ уходитъ, я взобрался на свою Изиду и примкнулъ къ эскадрону. Черезъ верстъ восемь насъ обогналъ полковой командиръ съ своими ординарцами, а, немного спустя, былъ отданъ приказъ остановиться.

Мы стали на берегу Тайдзыхэ, круто спускавшемся въ рѣку обрывомъ, саженой въ десять высоты. Драгуны 3-го эскадрона спѣшились и расположились подъ прикрытіемъ гаоляна, сюда же подтянулись и остальные эскадроны, расположившись вокругъ возвышеннаго пункта на берегу. Послѣдній эскадронъ

огонекъ, денщики готовили незатѣйливый ужинъ, а китайцы, наши хозяева, стояли у дверей и разсматривали насъ съ безцеремоннымъ любопытствомъ, не стѣсняясь галдѣли и выражали свое мнѣніе о насъ; ребяташки ихъ подходили смѣло къ намъ и ощупывали разные предметы, лежавшіе въ фанзѣ.

Совершенно неожиданно было появленіе корнета Т., который вернулся съ развѣдки очень взволнованнымъ и, ничего намъ не сказавъ, отправился съ докладомъ къ командиру полка. Мы всѣ насторожились; сразу пронеслось что-то тревожное; китайцы куда-то исчезли; у всѣхъ лица стали серьезныя. Черезъ полчаса вернулся Т. и сообщилъ приказаніе командира сѣдлатъ лошадей и вьючныхъ муловъ, спать въ полной готовности къ немедленному выступленію. Оказалось, что выше Квантуна, верстахъ въ 35-и, по Тайдзыхэ уже началась переправа японцевъ по понтонамъ, наведеннымъ въ одну ночь. Пѣхотная часть, силою въ 1 баталіонъ, была уже на этомъ берегу. Нашъ полкъ составлялъ крайнюю точку нашей передовой охраны и поэтому если не сегодня ночью, то завтра долженъ былъ прійти въ столкновение съ непріателемъ; не имѣя ни пѣхоты, ни артиллеріи, онъ не могъ мѣшать переправѣ, а тѣмъ болѣе вступить въ бой съ превосходными силами противника. Рѣшено было, выждавъ утра, медленно отходить, наблюдая за непріателемъ.

Я вышелъ на дворъ; въ ночной тишинѣ какъ-то особенно торжественно раздавались слова команды и топотъ усиленныхъ патрулей, выслан-

не успѣлъ еще покинуть деревни, какъ съ того берега рѣки бросился вплавъ какой-то человѣкъ. Мы ясно видѣли, какъ толпа китайцевъ изъ деревни побѣжала къ берегу рѣки, на который выбрался японецъ; онъ моментально былъ одѣтъ въ принесенное китайцами платье и смѣшался съ толпой, которая вернулась въ деревню. Оставшіеся въ деревнѣ наши дозоры донесли, что китайцы подавали сигналы японцамъ объ уходѣ нашего полка, и привели одного захваченнаго китайца сигнальщика. Послѣ нѣсколькихъ нагаекъ онъ сознался, что подавалъ японцамъ указанія, въ какую сторону отступилъ нашъ полкъ. Командиръ и старшіе офицеры взошли на скалу и стали внимательно изслѣдовать въ бинокли окружающую мѣстность и противоположный берегъ рѣки. На скалистомъ гребнѣ лежалъ спѣшенный взводъ драгунъ. Солнце пекло очень сильно, было уже около 10 часовъ утра. Непріятельскій берегъ, низменный, былъ какъ на ладони. Саженьяхъ во ста отъ усыпаннаго мелкими бѣловатыми камнями берега рѣки была большая деревня съ рощей и неизбѣжнымъ гаолянѣмъ, а за

Китайскіе шпіоны.

него глазъ: хоть бы одно движеніе — совершенно пень. Продолжая мои наблюденія, я увидѣлъ другую такую же фигуру, осторожно подползающую по канавѣ къ первой; очевидно, это былъ подчасокъ; черезъ нѣсколько минутъ подчасокъ поползъ обратно, получивъ свѣдѣнія отъ часового или передавъ ему приказаніе; часовой остался въ прежней позѣ. Наскучивъ наблюдать этого застывшаго японца, я осторожно отползъ назадъ, чтобы не выдать нашего расположенія, и, сойдя съ холма, отправился бродить между эскадронами. Группы драгунъ и лошадей были очень живописны; поминутно отдѣлялись назначенные въ разъѣздъ люди и исчезали въ разныхъ направленіяхъ. Походивъ и снявъ нѣсколько

ней, какъ волны моря, поднимались сопки, уходя вдаль и дѣлаясь изъ зелено-желтыхъ почти синими на горизонтѣ. „Ваше благородіе, смотри прямо, вонъ подѣ дерево, что стоитъ отдѣльно“, услышалъ я голосъ ближайшаго ко мнѣ драгуна. Я навелъ бинокль по указанному направленію и сначала ничего не могъ разобрать; стояло дерево и бросало круглую тѣнь на траву; я спросилъ у солдата, что онъ видитъ; онъ сказалъ, что подѣ деревомъ стоитъ японскій часовой. Я опять навелъ бинокль и теперь увидѣлъ неподвижно стоящаго человѣка въ желтомъ хакки, въ фуражкѣ съ назатыльникомъ, опирающагося на ружье. Въ теченіе пяти минутъ я не спускалъ съ

фотографій, я поднялся опять на холмъ; было часовъ 12 дня, всѣ предметы ясно выступали на фонѣ песчаного берега; часовой попрежнему стоялъ подъ деревомъ, но перемѣстился вмѣстѣ съ тѣнью отъ дерева. Въ неподвижномъ гаолянѣ стало замѣтно небольшое движеніе; вотъ на улицѣ деревни промелькнула конная фигура; всѣ насторожились; фигура показалась вновь и остановилась въ тѣни фанзы такъ, что трудно разобрать; всѣ бинокли направились въ то мѣсто. Черезъ нѣсколько минутъ всадникъ выѣхалъ изъ тѣни, бросаемой фанзой, показался въ яркомъ солнечномъ свѣтѣ и шагомъ поѣхалъ вдоль улицы, ведущей къ берегу рѣки, внимательно всматриваясь въ нашъ

берегъ; всадникъ подъѣзжалъ все ближе и ближе; у меня замерло сердце, какъ у охотника, когда крупная дичь идетъ на выстрѣлъ.

Драгуны съ нетерпѣніемъ посматриваютъ на начальство, ожидая команды, но команды нѣтъ... всѣ смотрятъ...

Одѣтый въ желтое хакки, желтые штаны, въ фуражкѣ съ назатыльникомъ, черезъ плечо ружье, на поясѣ стальная сабля, лошадь темно-гнѣдая, лицо разобрать нельзя, тѣнь отъ козырька скрываетъ черты. Медленно ѣдетъ онъ къ концу улицы, выѣзжаетъ на берегъ, отъ насъ шаговъ на 1200 не болѣе, всѣ подробности вооруженія видны ясно.

Драгуны просятъ позволенія стрѣлять, — наконецъ, приложились... команда: Пли!.. и залпъ пуль посыпался на ту сторону...

Лошадь взвилась на дыбы и, повернувшись къ деревнѣ, помчалась карьеромъ; всадникъ припалъ къ сѣдлу вплотную, спрятавъ голову за шею лошади и конвульсивно дергая руками: онъ былъ раненъ; вдогонку раздалось еще 2-3 залпа; видно было, какъ пули, падая въ воду и на берегъ, поднимали брызги и пыль. Въ гаолянѣ все исчезло, приказано было сдѣлать нѣсколько залповъ по деревнѣ, предполагая, что она занята скрывающимся непріателемъ.

Подождавъ нѣкоторое время, я опять спустился съ холма и присоединился къ своему 3-му эскадрону. Затѣмъ полкъ тронулся съ мѣста, оставивъ наблюдательный постъ. Шли довольно долго проселочной дорогой, принимая всѣ мѣры предосторожности; къ вечеру дошли до деревни (названія не помню), гдѣ и расположились на ночь.

Я остановился въ фанзѣ вмѣстѣ съ полковымъ докторомъ; рядомъ была кумирня; въ маленькой колокольнѣ помѣстился командиръ полка Стаховичъ, и здѣсь же былъ поставленъ штандартъ. Съ вечера мы впервые услышали громъ Лаоянскаго боя. Лошадей не разсѣдывали, ослабивъ подпруги, оставили ихъ на ночь въ полной готовности къ выступленію.

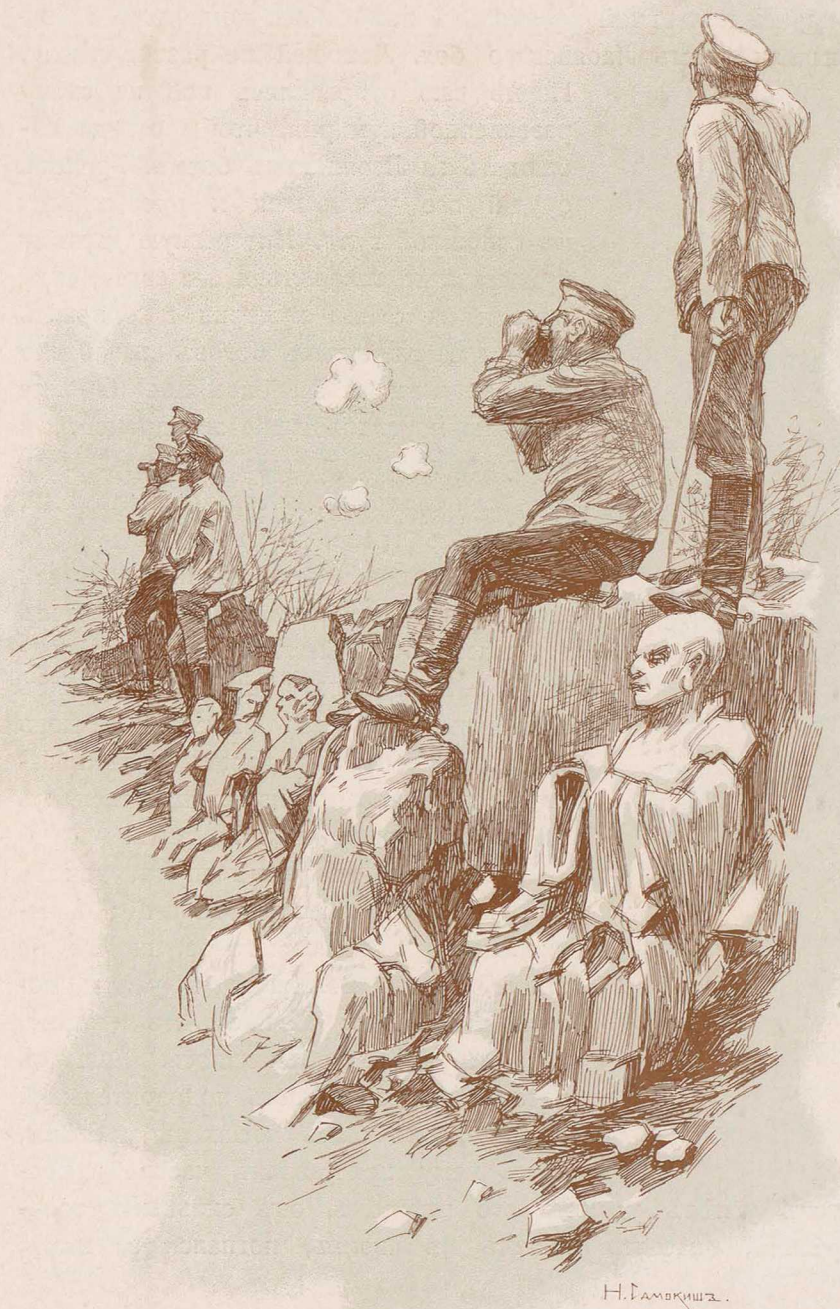
Измученный переходомъ и впечатлѣніями дня, я заснулъ, какъ убитый. Проснулся рано; мое тѣло чесалось неистово: оказалась масса клоповъ; я спалъ крѣпко, только благодаря усталости, иначе ни за что не уснуть бы отъ этой міриады зловонныхъ насѣкомыхъ. Выйдя на дворъ и умывшись, я выглянулъ черезъ стѣнку фанзы и увидѣлъ нашего командира, который, сидя въ своей колокольнѣ, привѣтливо кивалъ мнѣ головой, приглашая пить чай. Я поспѣшилъ къ нему и принялся за чай; оказалось, что командиръ всю ночь не спалъ, принимая донесенія и посылая разъѣзды.

Утро было чудное; вдали на сопкахъ къ Лаояну грохотали орудія, и были видны клубы разрывающихся шрапнелей. Бригадный генералъ Степановъ спалъ подъ навѣсомъ кумирни, рядомъ съ адъютантами. На маленькой корявой сосенкѣ его денщикъ повѣсилъ его оружіе и платье; это выглядѣло, какъ бы военная елка, гдѣ, вмѣсто конфетъ и бомбоньерокъ, висѣли револьверъ, сабля, перчатки, панталоны, фуражка и прочія принадлежности офицерскаго туалета. Проснулся и генералъ, сталъ одѣваться. Пользовавшись темнотою ночи, китаецъ бросился на драгуна, и прежде чѣмъ тотъ успѣлъ ударить его штыкомъ, онъ сильнымъ толчкомъ отбросилъ его въ сторону и скрылся въ темнотѣ. Драгунъ не могъ стрѣлять, опасаясь попасть въ своихъ, погнался за нимъ, но, конечно, не поймалъ, такъ какъ китаецъ скрылся въ гаолянѣ.

Послѣ чаю отправились всѣ на стѣну разваленной кумирни, чтобы оттуда наблюдать за Лаоянскимъ боемъ. Грохотъ орудій все усиливался и превращался въ сплошной гулъ. Интересную картину представляли генералъ и его свита, сидя и стоя на стѣнѣ кумирни и опираясь ногами на глиняныхъ боговъ съ забавно изуродованными физіономіями. Обойдя деревню и расположеніе эскадроновъ, я вернулся домой и сталъ рисовать. День прошелъ спокойно. Вечеръ былъ темный, собиралась гроза, и на черномъ фонѣ неба и сопокъ, какъ молніи, блистали выстрѣлы орудій подъ Лаояномъ. Шелъ страшный бой. Спать не хотѣлось, однако, всѣ понемногу улеглись, принявъ возможные предосторожности; я не могъ заснуть: клопы и грохотъ орудій заставляли невольно прислушиваться къ тому, что происходитъ кругомъ.

Раздался на улицѣ шумъ, топотъ ногъ и крикъ: „Лови, лови его!“ Я выскочилъ изъ фанзы; темно, ничего не видно, слышна погоня вдоль улицы, потомъ все стихло; я пошелъ къ кумирнѣ, и здѣсь дѣло объяснилось. Еще съ вечера былъ задержанъ подозрительный китаецъ, онъ былъ посаженъ у стѣны, и къ нему приставленъ часовой; вос-

Трескъ и громъ надъ Лаояномъ все усиливались... было не до сна...

Тревожная ночь прошла; показался разсвѣтъ, а съ нимъ и непріятель; только-что я выпилъ стаканъ чаю и вышелъ на улицу, уже залитую первыми лучами солнца, какъ увидѣлъ трехъ драгунъ, прискакавшихъ во весь опоръ, при чемъ по крупу бѣлой лошади одного изъ нихъ текла струя ярко красной крови. Сначала я подумалъ, что ранена лошадь, но оказалось, что раненъ драгунъ въ мягкую часть, и его кровь окрасила крупъ коня. Сейчасъ же дано было командиромъ распоряженіе 2-му эскадрону выйти за деревню и задержать наступленіе непріятеля. Остальные эскадроны спѣшно построились и начали вытягиваться изъ улицъ деревни на дорогу; все это произошло въ теченіе какихъ-нибудь 10-15 минутъ. Не успѣли еще послѣдніе люди выйти изъ деревни, какъ мы услышали залпы ружейнаго огня. Это нашъ 2-й эскадронъ наткнулся на непріятельскую пѣхоту и завязалъ дѣло. Не зная, много ли подошло непріятельскихъ частей, и не желая подвергнуться нападенію съ тыла и съ боковъ, командиръ отдалъ приказаніе отходить на рысяхъ. Эскадроны въ полномъ порядкѣ тронулись по командѣ: „Рысью, маршъ!“ и драгуны мѣрно закачались на сѣдлахъ, поднявъ облака пыли. Проѣхавъ верстъ шесть, замедлили аллюръ, поѣхали шагомъ и, наконецъ, остановились. Въ это время присоединился къ намъ 2-й эскадронъ, вернувшійся изъ боя; были раненые, но немного, досталось больше лошадямъ. Отойдя еще версты три и миновавъ большую деревню, эскадроны въѣхали на обширное поле, засѣянное бобами и окруженное со всѣхъ сторонъ гаолянѣмъ; люди спѣшились и прилегли, гдѣ попало. Солнце уже было низко, и вечеръ наступалъ довольно прохладный.

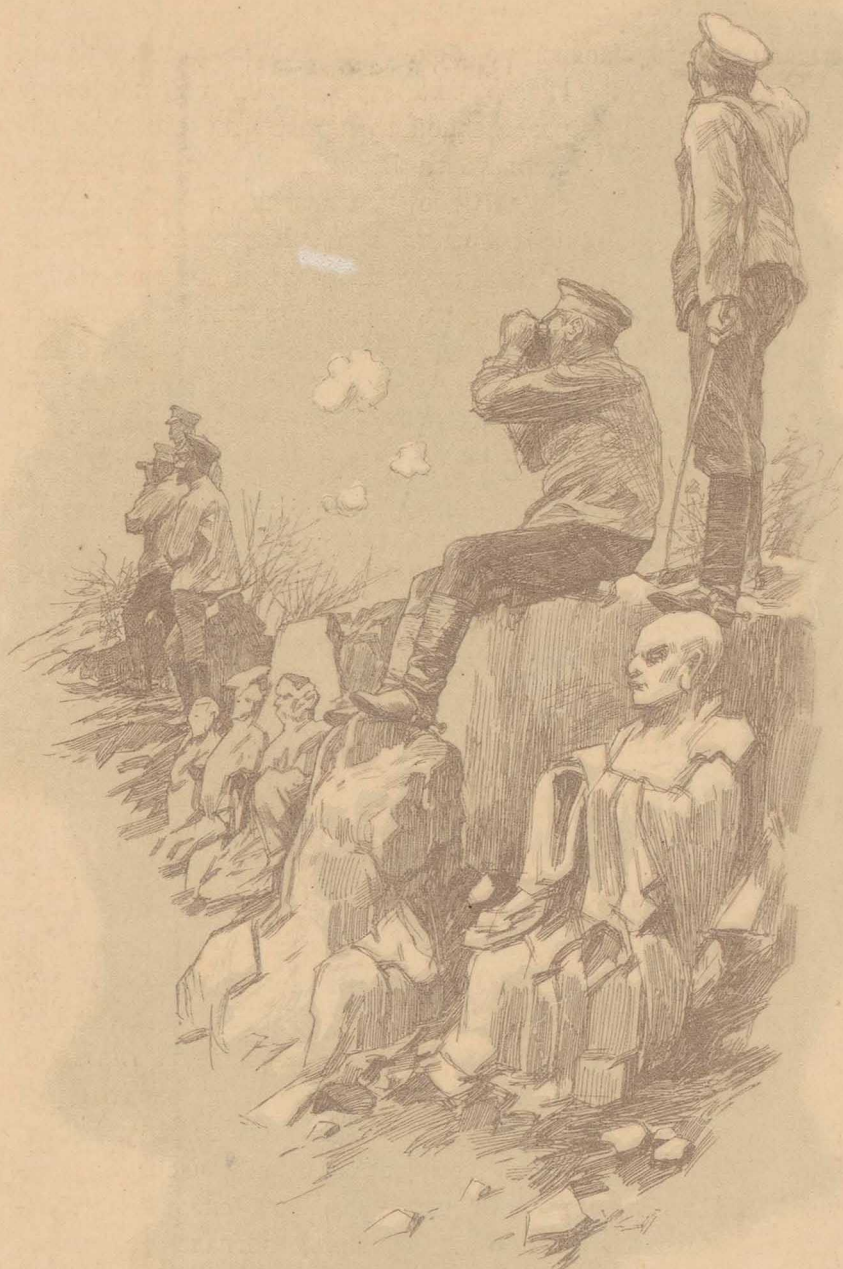
Здѣсь произошелъ очень трогательный эпизодъ.

Въ бою была тяжело ранена лошадь 2-го эскадрона; пришлось ее бросить на мѣстѣ боя. Прошло уже часа три, какъ эскадроны лежали въ гаолянѣ, вдругъ на поле, едва передвигая ноги, пришла эта лошадь и прямо направилась къ своему эскадрону, шатаясь остановилась передъ своими ратными товарищами и затѣмъ, опустившись на землю, черезъ нѣсколько минутъ издохла.

Я присутствовалъ при этой сценѣ, которая растрогала положительно до слезъ всѣхъ окружающихъ; на лицахъ можно было видѣть жалость и удивленіе инстинкту этого благороднаго животного, которое даже умирать пришло въ родной ему эскадронъ. Драгуны стояли вокругъ съ молчаливою грустью. Наступили сумерки; было холодно и мокро отъ изобильной росы на зелени бобовъ и гаолянѣ. Пріѣхалъ князь Орбеліани, начальникъ Кавказской бригады, съ нимъ Плаутинъ,

Шахэ. — Бой у станції жел. дороги.

Н. Гамкинъ.

Трескъ и громъ надъ Лаояномъ все усиливались... было не до сна...

Тревожная ночь прошла; показался разсвѣтъ, а съ нимъ и непріятель; только-что я выпилъ стаканъ чаю и вышелъ на улицу, уже залитую первыми лучами солнца, какъ увидѣлъ трехъ драгунъ, прискакавшихъ во весь опоръ, при чемъ по крупу бѣлой лошади одного изъ нихъ текла струя ярко красной крови. Сначала я подумалъ, что ранена лошадь, но оказалось, что раненъ драгунъ въ мягкую часть, и его кровь окрасила крупъ коня. Сейчас же дано было командиромъ распоряженіе 2-му эскадрону выйти за деревню и задержать наступленіе непріятеля. Остальные эскадроны спѣшно построились и начали вытягиваться изъ улицъ деревни на дорогу; все это произошло въ теченіе какихъ-нибудь 10-15 минутъ. Не успѣли еще послѣдніе люди выйти изъ деревни, какъ мы услышали залпы ружейнаго огня. Это нашъ 2-й эскадронъ наткнулся на непріятельскую пѣхоту и завязалъ дѣло. Не зная, много ли подошло непріятельскихъ частей, и не желая подвергнуться нападенію съ тыла и съ боковъ, командиръ отдалъ приказаніе отходить на рысяхъ. Эскадроны въ полномъ порядкѣ тронулись по командѣ: „Рысью, маршъ!“ и драгуны мѣрно закачали на сѣдлахъ, поднявъ облака пыли. Проѣхавъ верстъ шесть, замедлили аллюръ, поѣхали шагомъ и, наконецъ, остановились. Въ это время присоединился къ намъ 2-й эскадронъ, вернувшійся изъ боя; были раненые, но немного, досталось больше лошадямъ. Отойдя еще версты три и миновавъ большую деревню, эскадроны вѣхали на обширное поле, засѣянное бобами и окруженное со всѣхъ сторонъ гаолянмъ; люди спѣшились и прилегли, гдѣ попало. Солнце уже было низко, и вечеръ наступалъ довольно прохладный.

Здѣсь произошелъ очень трогательный эпизодъ.

Въ бою была тяжело ранена лошадь 2-го эскадрона; пришлось ее бросить на мѣстѣ боя. Прошло уже часа три, какъ эскадроны лежали въ гаолянѣ, вдругъ на поле, едва передвигая ноги, пришла эта лошадь и прямо направилась къ своему эскадрону, шатаясь остановилась передъ своими ратными товарищами и затѣмъ, опустившись на землю, черезъ нѣсколько минутъ издохла.

Я присутствовалъ при этой сценѣ, которая растрогала положительно до слезъ всѣхъ окружающихъ; на лицахъ можно было видѣть жалость и удивленіе инстинкту этого благороднаго животнаго, которое даже умирать пришло въ родной ему эскадронъ. Драгуны стояли вокругъ съ молчаливою грустью. Наступили сумерки; было холодно и мокро отъ изобильной росы на зелени бобовъ и гаолянѣ. Пріѣхалъ князь Орбеліани, начальникъ Кавказской бригады, съ нимъ Плаутинъ,

М. ДАМОНОВ.

командиръ Терско-Кубанскаго полка. Собранъ былъ военный совѣтъ, на которомъ было рѣшено ночное движеніе для выясненія силъ противника. Лежа на буркѣ, князь Орбеліани и окружающіе его офицеры говорили вполголоса о предстоящемъ набѣгѣ; наступившая ночь придавала что-то таинственное этому совѣщанію и этимъ темнымъ фигурамъ людей, собранныхъ около тусклаго фонаря, у котораго лежала карта мѣстности.

Костровъ разводить не позволяли, и людямъ было приказано сохранять полнѣйшую тишину. Когда совѣтъ кончился, было рѣшено, отправивъ штандартъ со взводомъ драгунъ и небольшой обозъ, бывшій при полку, итти ночью въ расположеніе непріятеля. Полковой командиръ, подозвавъ меня къ себѣ, сказалъ, что, въ виду крайняго риска ночного дѣла, онъ проситъ меня итти со штандартомъ къ полковому обозу, расположенному въ деревнѣ Сыквантунъ. Я былъ очень измученъ всѣми происшествіями этого дня и чувствовалъ непреодолимое желаніе спать, такъ какъ предыдущую ночь не спалъ совсѣмъ, поэтому легко согласился на его предложеніе, тѣмъ болѣе, что ко мнѣ подошли мои молодые пріятели, корнеты Кишкинъ и Трояновскій, а за ними и подполковникъ Мирбахъ, и уговаривали меня ѣхать къ обозу выспаться, а затѣмъ уже присоединиться къ полку. Я поблагодарилъ ихъ за заботливость обо мнѣ и, сѣвъ на мою Изиду, сталъ у штандартнаго взвода; потомъ полковой докторъ уговорилъ меня ѣхать съ нимъ, и мы двинулись, а полкъ остался на мѣстѣ, ожидая двухъ часовъ ночи, когда назначено было выступать въ походъ.

Разставаясь со ставшимъ мнѣ роднымъ и дорогимъ полкомъ и съ милыми офицерами, пріютившими и пригрѣвшими меня съ чисто русскимъ широкимъ радушіемъ, я думалъ, что покидаю его на 2-3 дня, но вышло совсѣмъ иначе: не скоро мнѣ пришлось встрѣтиться съ моими друзьями.

ДѢЛО ПОДЪ СЫКВАНТУНЕМЪ.

Взявъ мою лошадь „Изиду“ отъ коновода, я сѣлъ на нее и, примкнувъ ко взводу драгунъ при штандартѣ, ожидалъ сигнала къ выступленію; тутъ подъѣхали ко мнѣ полковой докторъ и ветеринаръ и предложили ѣхать съ ними вмѣстѣ съ докторомъ Дагестанскаго полка и конвоемъ изъ 10 всадниковъ дагестанцевъ. Доктора говорили, что они высту-

паютъ кратчайшей дорогой. Я охотно присоединился къ нимъ, тѣмъ болѣе, что докторъ Нѣжинскаго драгунскаго полка былъ очень симпатичный человѣкъ, и ѣхать въ его обществѣ мнѣ было пріятно.

Мы попрощались съ командиромъ и офицерами Нѣжинскаго полка и, пожелавъ имъ успѣха, медленно двинулись, пробираясь по гаолянѣ. Намъ сопутствовала докторская двуколка, запряженная парой лошадей. На эту двуколку я положилъ и мой маленькій багажъ. Было около 2 часовъ ночи и довольно свѣтло; дорога шла все время недалеко отъ берега Тайдзыхэ; на другомъ берегу круто поднимались сопки. Лаоянская канонада доносилась совершенно ясно.

Докторъ Дагестанскаго полка вызвался быть проводникомъ и, постоянно справляясь съ компасомъ, ѣхалъ впереди.

Деревня Сыквантунъ, въ которую мы направлялись, была всего въ шести верстахъ.

Мы бодро ѣхали впередъ, увѣренные, что черезъ часъ или полтора будемъ на мѣстѣ и можемъ еще поспать до утра.

Но вотъ прошелъ часъ, прошелъ и другой; мы довѣрчиво ѣдемъ за докторомъ, сзади насъ ѣдетъ конвой, и съ трудомъ по отвратительной дорогѣ пробирается наша двуколка. Понемногу у насъ начинается зарождающаяся сомнѣніе въ путеводительныхъ способностяхъ дагестанскаго доктора. На наши вопросы: скоро ли? онъ отвѣчаетъ неохотно и все посматриваетъ на компасъ.

Проходитъ еще часъ; въѣзжаемъ въ какую-то деревню, но не Сыквантунъ. Передъ этой деревней наша двуколка безнадежно увязаетъ въ громадной лужѣ, и одна изъ лошадей падаетъ; всѣ усилія поднять лошадь и вывезти двуколку не приводятъ ни къ чему; рѣшаемъ бросить двуколку и ѣхать дальше. Я беру мой узелокъ и, придерживая его на передней лукѣ сѣдла, ѣду съ другими въ деревню. Здѣсь дагестанскій докторъ признается, что ошибся въ направленіи.

Мы выходимъ изъ себя, обозленные вслѣдствіе усталости, холодной ночи и перспективы ѣхать еще, можетъ-быть, нѣсколько часовъ. Наши лошади, видимо, тоже устали. Рѣшаемъ добыть китайца проводника, но это дѣло не легкое.

Деревня спитъ, ни души, а можетъ-быть, она и оставлена жителями. Подъѣзжаемъ къ большой фанзѣ, всадники спѣшиваются, лѣзутъ черезъ ворота, на нихъ набрасываются собаки, но ни одной живой души не видно; стучать въ дверь прикладомъ ружья — никакого отвѣта. Рѣшаютъ выломать окно.

Легкая рама трещитъ, и въ то же время показывается голова китайца, довольно пожилого человѣка, очевидно, давно уже наблюдававшего за нами.

Его вытаскиваютъ и послѣ 10 минутъ бесполезнаго разговора, при чемъ обѣ стороны другъ друга не понимаютъ, китайца выталкиваютъ на улицу, повторяя слово „Сыквантунъ“, а для вѣщаго доказательства, что онъ намъ очень нуженъ, показываютъ нагайку. Наконецъ, китаецъ дѣлаетъ видъ, что понялъ и, указывая рукой въ пространство, идетъ впередъ. Весь кортежъ двигается за нимъ по улицѣ, сворачиваетъ за уголъ и попадаетъ на узкую тропинку въ гаолянѣ. Всѣ вытягиваются гуськомъ, китаецъ впереди. Я ѣхалъ третьимъ въ головѣ нашего отряда. Не прошло и 10 минутъ, какъ передніе остановились у оврага, а китаецъ исчезъ безъ слѣда.

Положеніе было скверное: японцы могли быть близко, и китаецъ могъ ихъ предупредить.

Начинался разсвѣтъ, и на поблѣвшемъ небѣ сопки стали вырѣзываться болѣе ясными контурами.

Что было дѣлать? Неувѣренность — гдѣ мы и что насъ ожидаетъ — заставила насъ рѣшиться ждать полного разсвѣта, тѣмъ болѣе, что дагестанскій докторъ заявилъ, что онъ не рѣшается итти и рисковать попасть въ плѣнъ съ конвоемъ.

Мы свернули на полянку, гдѣ было посуше, и гдѣ чумиза была уже снята; черезъ полянку вела дорога, но куда — неизвѣстно.

Стало совсѣмъ свѣтло; утро было прекрасное, хотя и холодное. Нашъ отрядъ расположился, какъ попало, не разсѣдывая лошадей; многіе сейчасъ же заснули, держа поводья въ рукахъ.

Мнѣ было не до сна, ужъ очень красиво было кругомъ. Я слѣзъ съ Изиды, ослабилъ подпруги, чтобы бѣдное животное могло хоть немного отдохнуть, размундштучилъ и привязалъ чумбуромъ къ пеньку, а самъ пошелъ нарвать гаоляновыхъ шишекъ для Изиды.

Задавъ кормъ лошади, я пошелъ по дорогѣ къ сопкамъ, думая сверху осмотрѣть мѣстность. Не прошелъ я и 200 шаговъ, какъ за поворотомъ дороги показались наши войска. Это былъ пѣхотный полкъ, шедшій въ Сыквантунъ; впереди ѣхалъ на парѣ лошадей въ бричкѣ командиръ полка съ адъютантомъ. Заспанные и осунувшіяся лица ясно говорили, что полкъ шелъ всю ночь.

На фонѣ раннего утра сѣрая неправильная линія солдатъ съ вьючными осликами и конными фигурами офицеровъ, медленно ползущая по грязной дорогѣ, была очень живописна. Я поспѣшилъ сдѣлать нѣсколько снимковъ съ проходящаго полка. Изъ разспросовъ выяснилось, что деревня была недалеко, и мы, поднявшись съ бивака, отправились кратчайшей дорогой къ виднѣвшемуся невдалекѣ Сыквантуню.

Солнце было уже довольно высоко, когда мы втянулись въ улицу и попали на площадь, гдѣ между деревьями у фанзъ стоялъ обозъ Нѣжинскаго драгунскаго полка.

Въ сосѣднемъ дворикѣ стояло нѣсколько палатокъ, въ одной изъ нихъ жили командиръ обоза и священникъ, въ другой — интендантскій чиновникъ. Мы познакомились и стали пить чай, который мнѣ показался необыкновенно вкуснымъ, такъ какъ я почти сутки ничего не пилъ и не ѣлъ.

Выпивъ множество стакановъ чаю и закусивъ, чѣмъ Богъ послалъ, я почувствовалъ приливъ бодрости и энергіи. Поблагодаривъ гостепріимныхъ хозяевъ, пошелъ осматривать деревню.

Большая дорога проходила черезъ все селеніе; съ одной стороны была гряда сопокъ, а верстахъ въ 2-хъ отъ деревни поднималась отдѣльная сопка съ небольшимъ возвышеніемъ на вершинѣ (названная впослѣдствіи сопкой съ пупкомъ).

Деревня Санлинзы близ Чансамутуня.

Былъ прекрасный августовскій день, небо безоблачно, солнце грѣло. При выходѣ изъ деревни я видѣлъ на горизонтѣ облачка шрапнелей, и слышна была отдаленная канонада, но я уже привыкъ къ этому ежедневному концерту и не обращалъ на это особаго вниманія. Я подвигался по дорогѣ на сопку, чтобы осмотрѣть съ вершины ея окружающую обстановку. Было жарко; по мѣрѣ приближенія я все яснѣе слышалъ выстрѣлы орудій и различалъ наши траншеи и войска, покрывающія сопку, стали видны и орудія.

Мнѣ стало ясно, что, судя по количеству войскъ, я нахожусь на важномъ пунктѣ нашихъ позицій. Интересъ мой удвоился, когда я увидѣлъ группу военныхъ, обѣзжавшихъ сопку. Среди конвоя былъ виденъ генеральскій значекъ, треплющійся на пикѣ.

Шрапнельные клубочки стали какъ-то ближе и яснѣе. Наши орудія еще не стрѣляли, но по всему видно было, что готовились къ залпу. Генераль появился у орудій, къ нему подошелъ командиръ батареи; черезъ минуту командиръ вернулся къ орудіямъ. Генераль со свитой поднимался кверху, вправо подтягивалась пѣхота, сзади виднѣлись зарядные ящики, стоявшіе длинной вереницей, начиная почти отъ деревни до сопки.

Вдругъ что-то ударило и грохнуло совсѣмъ близко. Я быстро оглянулся, это былъ залпъ нашей батареи; легкая пыль передъ орудіями указывала, что они только-что послали свои гостинцы непріятелю. Прислуга суетилась нѣсколько секундъ, заряжая орудія,

и затѣмъ все замерло на мѣстахъ, генераль показался на гребнѣ сопки.

Бѣлое облачко шрапнели сначала одно, а потомъ сразу нѣсколько появились надъ самой сопкой.

Я медленно двигался наверхъ; сбоку тропинки, въ канавѣ, лежало пѣхотное прикрытие.

Офицеры сидѣли группой, курили и разговаривали. Я закурилъ папироску и сталъ спрашивать; оказалось, что эта сопка, дѣйствительно, важный пунктъ нашей позиціи, и что, по всей вѣроятности, японцы не пожалѣютъ снарядовъ, чтобы сбить насъ съ этого мѣста. Какъ бы въ подтвержденіе словъ моихъ собесѣдниковъ, клубочки шрапнелей стали все чаще и чаще появляться надъ сопкой, шипѣніе снарядовъ становилось все слышнѣе.

Наша артиллерія работала безъ перерыва; въ воздухѣ, кромѣ грохота орудій, все время стояло гуденіе отъ пролетающихъ снарядовъ.

Я рѣшилъ пройти вокругъ сопки посмотреть нашу пѣхоту, залегшую въ галянь и въ траншеяхъ. Поднявшись по тропинкѣ еще выше, я завернулъ за выступъ горы и увидѣлъ совсѣмъ близко бѣлое облачко и въ то же время услышалъ непріятное шуршаніе шрапнельныхъ пуль. Я подался назадъ за выступъ. Взглянувъ внизъ, я увидѣлъ шагахъ во ста ползущаго солдата безъ фуражки съ окровавленной щекой. Первымъ моимъ движеніемъ было броситься впередъ къ нему и помочь итти. Только-что я подался впередъ,

въ это время на полянку вышли два солдата, схватили его подъ руки, сняли съ него суму, патронташъ, потихоньку повели въ сторону и скрылись въ галянѣ.

Я стоялъ на мѣстѣ, не рѣшаясь выйти за прикрывавшій меня выступъ. Бѣлыхъ клубочковъ шрапнели было много; теперь они уже перелетали дальше за сопку.

На полянку стали выходить солдаты, сначала по одному, по два, а потомъ цѣлыми группами; торопливо проходили они, многіе несли по 2 и по 3 ружья, были легко раненые, которые, зажавши рану, спѣшили къ мѣсту перевязки. Показалась группа, несущая носилки. Смотрю, опрокинувъ голову назадъ, лежитъ офицеръ, нога неестественно какъ-то уложена; солдаты несутъ бережно, лица сосредоточенныя и серьезныя; солнце жжетъ, всѣ покрыты пылью, а рубахи солдатъ—мокрыми пятнами пота.

Постоявъ нѣсколько минутъ, я повернулъ назадъ и вмѣстѣ съ легко ранеными, которые тянулись уже непрерывной лентой, дошелъ до перевязочнаго пункта.

Замѣчательно, что, идя среди толпы раненыхъ, я не слыхалъ ни одного стона, исключая словъ: „Тише братцы“, или: „Иди въ ногу“—ничего больше. Приходилось идти по крайней мѣрѣ двѣ версты; надъ головой все время шипѣли снаряды. Я думалъ: какое ощущеніе испытываютъ раненые, рискуя быть еще разъ ранеными или убитыми по дорогѣ къ перевязочному пункту?... и для здороваго человѣка эта дорога была очень непріятна. Я снялъ нѣсколько группъ раненыхъ, которые смотрѣли на меня удивленными глазами. Снимая ихъ, я испытывалъ странное чувство неловкости и какого-то стыда передъ этими сѣрыми героями. Мнѣ казалось, что мое мѣсто не здѣсь съ фотографическимъ аппаратомъ, а тамъ впереди съ ружьемъ въ рукахъ.

У дороги большая палатка, на ней красный крестъ, издали ясно видный; вокругъ масса носилокъ съ людьми, лежащими въ разныхъ позахъ.

Пустыя носилки, покрытыя пятнами крови, убираются и уносятся къ сопкѣ за новыми жертвами; за палаткой стоятъ фургоны и лошади. Полы палатки приподняты; все видно: раненые, сестры, врачи и священникъ.

Я подошелъ ближе; поставили только-что принесенныя носилки съ раненымъ; врачъ и двѣ сестры быстро раздѣли его до половины.

Раненый самъ приподнялся и уперся руками въ носилки.

На голомъ торсѣ ничего не было замѣтно, только небольшое красное пятнышко на спинѣ; пуля на вылетъ, рана была неопасная, крови почти нѣтъ. Быстро промывается ранка, бинтуется, и очередь за другими. Были разныя раны. Не стану описывать подробно, скажу только, что раненые почти не стонали и бодро переносили перевязку; врачи работали съ величайшимъ усердіемъ, и сестры относились съ сердечной заботливостью къ страждущимъ бойцамъ.

Немного въ сторонѣ отъ палатки, на срѣзанномъ галянѣ увидѣлъ я рядъ лежащихъ фигуръ, прикрытыхъ шинелями, подошелъ поближе—это умершіе. Грустно сжалось сердце, когда я смотрѣлъ на эту лежащую шеренгу людей. Моя рука невольно сама сняла шапку съ головы, отдавая послѣдній долгъ храбрымъ, положившимъ животъ свой на полѣ брани.

* * *

Было уже около 4 часовъ вечера. Боясь, что обозъ можетъ уйти безъ меня, такъ какъ деревня тоже стала обстрѣливаться снарядами, я поспѣшилъ къ деревнѣ. По дорогѣ встрѣтилъ драгуна; отъ него узналъ, что обозъ готовится къ выступленію. Я ускорилъ шагъ и, придя на площадь, узналъ отъ командира обоза, что отлучаться нельзя, такъ какъ, въ случаѣ занятія японцами сопки, мы немедленно выступаемъ, и поэтому все должно быть въ полной готовности къ выступленію.

Осмотрѣвъ мою Изиду, я приказалъ сѣдлатъ и пошелъ немного поѣсть изъ солдатскаго котла. Мимо провезли подбитое орудіе съ испорченнымъ лафетомъ; неподалеку была походная кузница, и я пошелъ посмотрѣть, какъ будутъ чинить орудіе. Солдаты съ засученными рукавами быстро сняли орудіе съ передка, огонь запыхалъ въ горнѣ, молотки застучали, и черезъ полчаса орудіе было въ исправности.

Наступалъ вечеръ, и къ орудійнымъ выстрѣламъ присоединилась ружейная стрѣльба; трескъ залповъ все усиливался и приближался, пѣхотныя части стали входить въ деревню и занимать фанзы.

Очевидно было, что непріятель все приближается.

Уже совсѣмъ стемнѣло, когда командиръ обоза, наконецъ, получилъ приказаніе отходить. Все зашевелилось, начались обычная суета и путаница, пока обозъ не вытянулся на дорогу, при чемъ случилась непріятная задержка, причины которой мы, какъ бывшіе впереди, долго не знали.

Батюшка, ветеринаръ и я поѣхали впередъ, сзади насъ слѣдовалъ денежный ящикъ при офицерѣ и взводъ драгунъ, а затѣмъ до 50-и повозокъ обоза, что представляло очень длинную ленту, особенно потому, что дорога была узка и неудобна.

Выбравшись съ трудомъ изъ деревни и доѣхавъ до поворота на большую дорогу, мы получили приказаніе остановиться, такъ какъ одна

Отступленіе отъ Лаояна въ Мукденъ.

Остатки от Лавина в Мундана.

Н. Гамкиш

изъ телѣгъ сломалась, и нужно было дѣлать перегрузку клади на другія повозки.

Мы стояли на поворотѣ дороги; сзади насъ въ зловѣщей темнотѣ трещали залпы ружейнаго огня, прерываемаго залпами орудій.

Огоньки выстрѣловъ въ ночномъ мракѣ мелькали, какъ молнія. Лошади наши были беспокойны, и стоило большого труда удерживать ихъ на мѣстѣ. Совершенно ясно раздался раскатъ ура. Очевидно, что наши или отражаютъ атаку, или сами пошли въ штыки. Выстрѣлы приближались. По дорогѣ въ темнотѣ послышался шумъ и грохотъ колесъ, и затѣмъ на рысяхъ проѣхала батарея, очевидно, отступая по той же дорогѣ. Положеніе наше ухудшилось: мы поняли, что теперь не попасть намъ на большую дорогу, пока не пройдетъ вся артиллерія съ ящиками и парками, а сзади еще возились съ обломавшейся телѣгой. Наконецъ, дѣло было налажено, но приходилось стоять на мѣстѣ, потому что артиллерія заняла всю дорогу, и втиснуть обозъ не было никакой возможности.

Топотъ и фырканье лошадей, грохотъ колесъ, шумъ большой массы людей, съ одной стороны, и трескъ выстрѣловъ, поминутно приближающійся, съ другой, дѣлали наше ожиданіе невыносимымъ. Лошади бѣсились, и къ довершенію непріятности я потерялъ мою трубочку и въ темнотѣ, конечно, не могъ ее отыскать. По сторонамъ дороги была канава, лошади обрывались въ нее и еще болѣе горячились.

Наскучивъ ожиданіемъ, я переѣхалъ канаву и по гаюлянѣ хотѣлъ пробраться впередъ, но, вѣроятно, забралъ слишкомъ въ сторону, тѣмъ болѣе, что ориентироваться въ густой заросли гаюляна не было никакой возможности.

Проѣхавъ съ полверсты въ гаолянѣ, моя Изида шарахнулась въ сторону отъ темной фигуры, неожиданно появившейся. Первой моей мыслью было, что это японецъ, но оказалось — нашъ солдатъ. „Куда ѣдешь“, сказалъ онъ, „въ той сторонѣ японцы“. Я только-что собрался его разспросить о дорогѣ, какъ трескъ залпа на близкомъ разстояніи и шелканье пуль по гаолянѣ заставили меня прекратить разговоръ. Изида сама повернула въ противоположную сторону и помчалась, ломая гаолянъ.

Я не зналъ, куда скачу, и употреблялъ всѣ усилія сдержать лошадь и немного ее успокоить. Гаолянъ хлесталъ меня и путался въ ногахъ.

Наконецъ, Изида пошла тише, и гаолянъ сталъ не такъ густъ; ѣхать было удобнѣе, и черезъ нѣсколько минутъ я выѣхалъ на большую дорогу, гдѣ, къ великому моему удовольствію, увидѣлъ нашъ обозъ, едва двигавшійся по дорогѣ и окруженный справа и слѣва безпорядочной толпой пѣхоты.

Очевидно, отступали. Части были перемѣшаны; офицеровъ не было видно, солдаты, нервно возбужденные боемъ, передавали свои впечатлѣнія другъ другу на ходу. Попалось нѣсколько носилокъ, несли тяжело раненыхъ, а въ однѣхъ былъ мертвый, но солдаты не хотѣли его оставить и продолжали нести, чтобы похоронить.

Группа солдатъ вела подъ руки офицера, раненаго, но не хотѣвшаго оставить своей части. Знамя трепалось въ сумракѣ изорванными клочками, болѣе густая кучка людей окружала его, и все это, обгоняя нашъ обозъ, двигалось и двигалось, или садилось на краю дороги, чтобы передохнуть. Кое-гдѣ пробиралось начальство верхомъ, пытаясь возстановить порядокъ. То тамъ, то здѣсь раздавались одиночные выстрѣлы отъ неосторожнаго обращенія съ ружьями, и шальные пули со свистомъ проносились мимо.

О Т С Т У П Л Е Н І Е

(отъ Сыквантуня до Мукдена).

Утро. Страшная ночь прошла. Золотыя полосы появились на горизонтѣ, солнце сейчасъ покажется. Я оглянулся назадъ, въ синѣющей дымкѣ пропадалъ конецъ нашего обоза, медленно ползшаго по пепельно сѣрой дорогѣ, которая въ этомъ мѣстѣ стала значительно шире, такъ что повозки шли въ 2 ряда. По краямъ дороги, по гаолянѣ, по тропинкамъ пробирались одиночныя фигуры пѣхотинцевъ и всадниковъ.

Впереди, навстрѣчу восходящаго солнца текла широкой рѣкой неисчислимая толпа людей. Сколько хваталъ глазъ впереди по дорогѣ, поднимаясь на возвышенія и опускаясь въ долины, стремилась эта рѣка людей, лошадей, телѣгъ и орудій.

Всѣ роды оружія въ самыхъ разнообразныхъ костюмахъ перемѣшались на этомъ пути. Солнце вышло и скользнуло своими лучами по головамъ и оружію, оживило яркими, золотыми бликами эту тысячеголовую толпу. Казалось, что выбраться изъ нея въ сторону нѣтъ никакой возможности, стихійная сила увлекала всѣ эти единицы въ общемъ стремленіи впередъ. Впечатлѣніе было такое, что повернуть эту толпу назадъ или остановить ее могло только чудо.

Хотѣлось остановиться и отдохнуть послѣ страшной и тревожной ночи, но какъ? Какъ выбраться изъ этого потока. А если выбраться, то какъ въ него опять попасть, имѣя обозъ, растянутый чуть не на версту.

Ко мнѣ подъѣхалъ на красивой бѣлой лошади командиръ обоза Шевченко. Закурили, разговорились, передавая свои впечатлѣнія. „Когда мы будемъ отдыхать?“ спросилъ я его. Шевченко, вмѣсто отвѣта, развелъ руками, показавъ на окружающую насъ толпу.

Но отдыхъ былъ нуженъ не только намъ, но лошадямъ и людямъ обоза, измученнымъ тревожной ночью.

Рѣшили въ подходящемъ мѣстѣ свернуть съ дороги и расположиться биваками. Было около 2 часовъ, когда на поворотѣ дороги, гдѣ была возможность выбраться изъ потока людей, мы круто свернули въ сторону и среди ругани толпы, которая была задержана нашимъ поворотомъ въ сторону, выбрались на поле, засѣянное бобами.

Какъ-то не вѣрилось, что мы освободились отъ этого влеченія впередъ, что мы можемъ стоять на мѣстѣ въ то время, какъ потокъ людей стремится мимо насъ.

Съ чувствомъ невыразимаго удовольствія слѣзъ я съ моей доброй Изиды, отдалъ ее драгуну, предварительно самъ отпустивъ ей подпруги,

такъ какъ зналъ по опыту, что пройдетъ еще по крайней мѣрѣ часъ, пока солдаты освободятъ лошадей отъ сѣделъ.

Мигомъ обозъ былъ выстроенъ четырехугольникомъ по краямъ бобоваго поля, кормъ былъ готовъ: сейчасъ бобы были собраны и даны лошадямъ; драгуны быстро развели огоньки изъ сухого гаюляну, и закипѣли котелки.

Приготовили чай, всѣ замѣтно оживились. Обозная кухня заманчиво дымила и привлекала общее вниманіе, но были и такіе, что, повалившись на пучокъ бобовъ, спали мертвымъ сномъ, раскинувъ руки и подставляя себя лучамъ жгучаго полуденнаго солнца. Наконецъ, обѣдъ готовъ, всѣ съ жадностью набрасываются на ѣду.

Исходъ черезъ рѣку подъ огнемъ.

Н. Савицкий

Ко мнѣ подъѣхалъ на красивой бѣлой лошади командиръ обоза Шевченко. Закурили, разговорились, передавая свои впечатлѣнія. „Когда мы будемъ отдыхать?“ спросилъ я его. Шевченко, вмѣсто отвѣта, развелъ руками, показавъ на окружающую насъ толпу.

Но отдыхъ былъ нуженъ не только намъ, но лошадямъ и людямъ обоза, измученнымъ тревожной ночью.

Рѣшили въ подходящемъ мѣстѣ свернуть съ дороги и расположиться биваками. Было около 2 часовъ, когда на поворотѣ дороги, гдѣ была возможность выбраться изъ потока людей, мы круто свернули въ сторону и среди ругани толпы, которая была задержана нашимъ поворотомъ въ сторону, выбрались на поле, засѣянное бобами.

Какъ-то не вѣрилось, что мы освободились отъ этого влеченія впередъ, что мы можемъ стоять на мѣстѣ въ то время, какъ потокъ людей стремится мимо насъ.

Съ чувствомъ невыразимаго удовольствія слѣзъ я съ моей доброй Изиды, отдалъ ее драгуну, предварительно самъ отпустивъ ей подпруги,

такъ какъ зналъ по опыту, что пройдетъ еще по крайней мѣрѣ часъ, пока солдаты освободятъ лошадей отъ сѣделъ.

Мигомъ обозъ былъ выстроенъ четырехугольникомъ по краямъ бобоваго поля, кормъ былъ готовъ: сейчасъ бобы были собраны и даны лошадямъ; драгуны быстро развели огоньки изъ сухого гаюляну, и закипѣли котелки.

Приготовили чай, всѣ замѣтно оживились. Обозная кухня заманчиво дымила и привлекала общее вниманіе, но были и такіе, что, повалившись на пучокъ бобовъ, спали мертвымъ сномъ, раскинувъ руки и подставляя себя лучамъ жгучаго полуденнаго солнца. Наконецъ, обѣдъ готовъ, всѣ съ жадностью набрасываются на ѣду.

амансо абон умяд аеаааи абохад

Незатѣйливая похлебка, приправленная консервами, кажется верхомъ кулинарнаго искусства. Поѣвши, я думалъ, что засну, но нервы, видимо, не могли такъ скоро успокоиться, и я, не чувствуя ни малѣйшей потребности спать, пошелъ къ большой дорогѣ; меня привлекала къ себѣ эта невиданная мною толпа, эта масса—почти безъ промежутковъ—изъ движущихся живыхъ существъ.

Какія сцены!

Всегда перегруженные полковымъ или офицерскимъ добромъ китайскія арбы съ безтолковыми погонщиками, съ самой непрактичной запряжкой, состоящей изъ массы веревочекъ, соединяющихъ 4 или 5 лошадей, были причиной путаницы, беспорядка, а зачастую и драматическихъ столкновений съ фургонами, двуколками, артиллерійскими ящиками и орудіями. Страдали люди, но больше всего страдали лошади; то здѣсь, то тамъ падали бѣдныя животныя, чтобы больше не встать. Хорошо, если была возможность оттащить ихъ въ сторону, а если нѣтъ, то ѣхали по трупамъ: свернуть было некуда.

Густая ругань стояла въ воздухѣ, иногда она прерывалась трескомъ ломающихся осей и криками начальства, пытавшагося возстановить хоть какой-нибудь порядокъ.

Происходили и препирательства начальниковъ по вопросу, кому дать дорогу, кому ѣхать впередъ, а кому сзади; казалось, что отъ этого вопроса зависитъ жизнь, какъ будто не все равно пріѣхать часомъ раньше или часомъ позже. Всѣ куда-то спѣшили. Смотря на все это, я подумалъ, что было бы если бы теперь даже небольшой отрядъ рѣшительныхъ людей ударилъ сбоку на эту толпу! Трудно представить послѣдствія такой неожиданности: эта толпа истребила бы и задавила самую себя.

По счастью, этого не случилось, и не произошло ничего, что могло бы повести къ паникѣ и катастрофѣ. Впослѣдствіи я узналъ, что были приняты всѣ мѣры, чтобы неприятель не могъ беспокоить наши отступающіе войска и обозы.

Я вернулся къ нашему лагерю. Уже вечерѣло, и было рѣшено пройти немного впередъ до наступленія ночи.

Быстро запрягли двуколки и посѣдлали лошадей, ободренныхъ отдыхомъ; обозъ подѣхалъ къ большой дорогѣ. Немалога труда стоило втянуться въ общую линію и не разорваться на части; сколько споровъ, криковъ, ударовъ нагайками пришлось потратить, пока все было налажено, и мы поползли—иначе нельзя назвать нашего движенія.

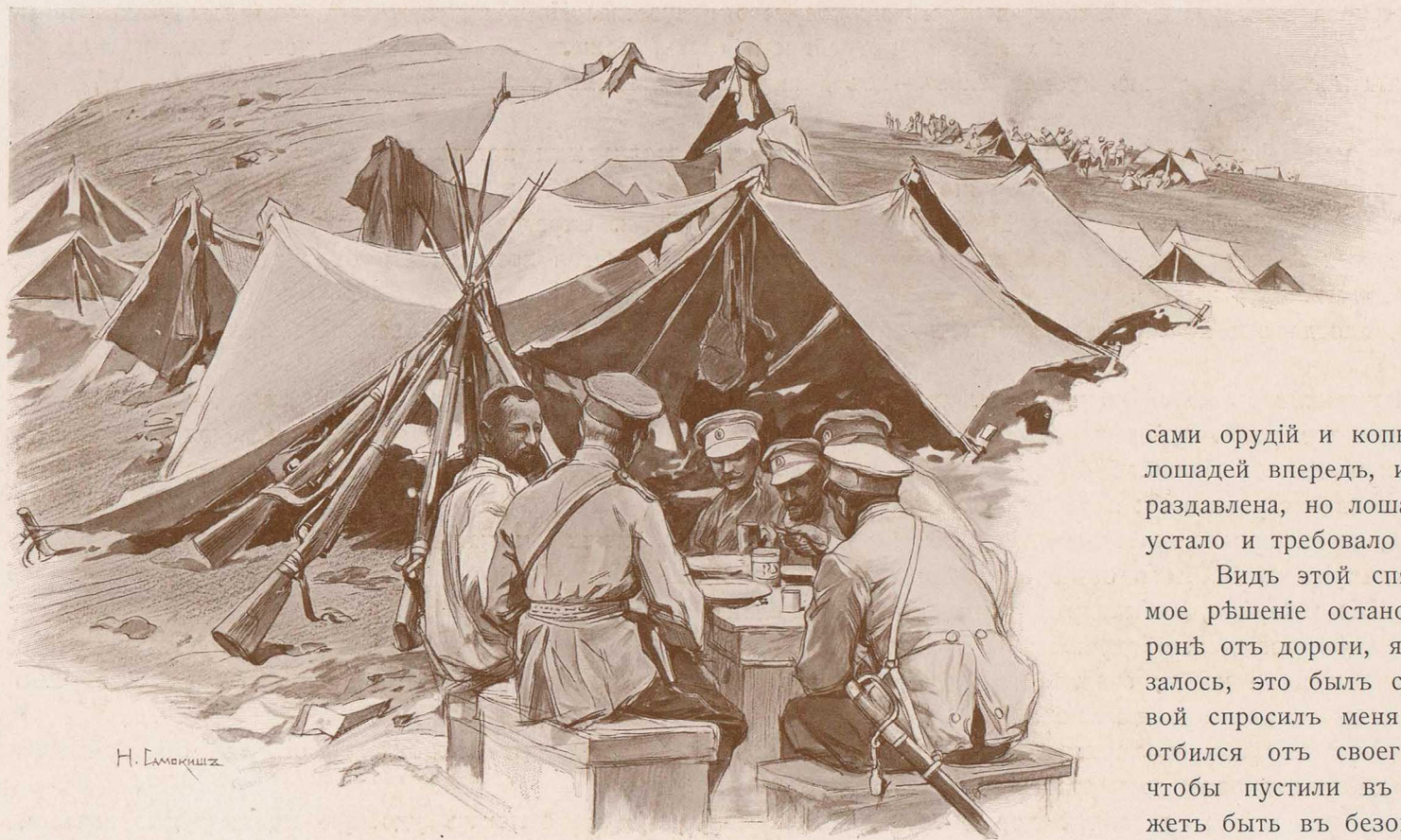
Сумерки спускались на землю, толпы терялись въ таинственной мглѣ; скоро по сторонамъ дороги засвѣтились огоньки отдыхающихъ войскъ; мы шли часовъ 6 и не могли найти подходящаго мѣста свернуть съ дороги на ночлегъ.

Командиръ обоза предложилъ мнѣ отправиться стороною дороги съ нѣсколькими драгунами отыскать удобную полянку для ночлега. Пробравшись съ трудомъ между людьми, колесами и построюками, я выѣхалъ на край дороги, переѣхалъ канаву и, тщательно оглядывая мѣстность, поѣхалъ то гаолянными, то чумизовыми полями, ища поворота на большую дорогу.

Проѣхавъ съ полчаса, наконецъ, увидѣлъ дорогу, которая, какъ мнѣ показалось, была удобна для того, чтобы по ней свернуть на ночлегъ.

Я придержалъ лошадь и сталъ поджидать нашъ обозъ; люди мои въ темнотѣ гдѣ-то потерялись, но я мало беспокоился объ этомъ, такъ какъ найти нашъ обозъ, какъ мнѣ казалось, было легко. Простоявъ у большой дороги минутъ двадцать и тщательно всматриваясь въ проходящую толпу, я началъ беспокоиться; нашего обоза не было видно, еще подождалъ—все нѣтъ; наконецъ, рѣшилъ ѣхать ему навстрѣчу параллельно большой дорогѣ. Пришлось ѣхать по узенькой тропинкѣ, постоянно сталкиваясь съ одиночными фигурами солдатъ, идущихъ по той же тропинѣ, при чемъ и я и лошадь рисковали напороться на штыки, почти невидимые въ темнотѣ, но все обошлось благополучно. Проѣхалъ версты двѣ впередъ—обоза нѣтъ; я почувствовалъ просто отчаяніе въ виду полной невозможности отыскать его въ темнотѣ и сутолокѣ.

Быстро рѣшилъ я ѣхать опять на старое мѣсто и далѣе впередъ, зная, что обозъ не могъ обогнать меня, такъ какъ я двигался быстрѣе, поэтому, если я отъѣду на хорошую дистанцію впередъ, то могу отдохнуть, а обозъ меня догонитъ; такъ и сдѣлалъ.

Подъѣхавъ къ ранѣе отысканной дорогѣ, я увидѣлъ, что вся она занята артиллеріей: орудія, передки и лошади въ запряжкѣ стояли посреди дороги неподвижно, тутъ же лежала, повалившись на землю, прямо въ пыли, усталая прислуга. Всѣ спали, я не замѣтилъ ни одного бодрствовавшего солдата, спали мертвымъ сномъ, головы спящихъ часто приходились подъ коле-

сами орудій и копытами лошадей, одно легкое движеніе лошадей впередъ, и голова спящаго была бы неминуемо раздавлена, но лошади такъ же спали, какъ и люди: все устало и требовало покоя.

Видъ этой спящей батареи еще болѣе повліялъ на мое рѣшеніе остановиться на отдыхъ. Немного въ сторонѣ отъ дороги, я увидѣлъ огни и палатки; какъ оказалось, это былъ саперный лагерь. Я подъѣхалъ, часовой спросилъ меня — кто и зачѣмъ, я сказалъ ему, что отбился отъ своего обоза и хочу отдохнуть, прошу, чтобы пустили въ черту лагерь, гдѣ моя лошадь можетъ быть въ безопасности, и я могу спокойно заснуть. Часовой позвалъ разводящаго и, посоветовавшись съ нимъ, пропустилъ меня на площадку, вокругъ которой

были палатки. Оказалось, что часовой былъ вольноопредѣляющійся и сейчасъ смѣнялся; онъ подошелъ ко мнѣ послѣ смѣны, помогъ разсѣдлать лошадь, привязалъ ее подъ деревомъ, бросилъ пучокъ бобовъ, мнѣ принесъ цыновку и положилъ ее у костра, а самъ отправился дѣлать чай.

Съ наслажденіемъ легъ я на цыновку у весело трещавшаго огонька и принялся растирать мои колѣни, занѣмѣвшія отъ 8-часовой ѣзды верхомъ. Чрезвычайно былъ благодаренъ этому милому молодому человѣку за его гостепріимство. Напившись чаю и растянувшись на цыновкѣ, моментально заснулъ.

Проснулся какъ-то вдругъ и первымъ дѣломъ взглянулъ на лошадь, Изида мирно дремала подъ деревомъ. Утро чуть начиналось, и было довольно свѣтло; отъ Изиды я перевелъ глаза на дорогу. Къ величайшему изумленію, увидѣлъ я среди темной толпы все движущихся впередъ людей, группу всадниковъ на сѣрыхъ лошадяхъ. Неужели это наши драгуны? (Мастъ лошадей у Нѣжинскихъ драгунъ

Н. Самокиш.

сѣрая.) Я сталъ пристально всматриваться, дѣйствительно, это былъ нашъ обозъ.

Я быстро посѣдлалъ Изиду, вскочилъ въ сѣдло, поблагодарилъ моего любезнаго хозяина и рысью поѣхалъ навстрѣчу обоза.

Мы очень обрадовались, оказалось, что обозъ не могъ двигаться впередъ часа три, въ виду загроможденія дороги поломанными арбами и телѣгами. Офицеры и батюшка тоже отдыхали у края дороги въ ожиданіи, пока очистится путь.

Во время остановки было отдано приказаніе обозу перейти на другую дорогу, идущую параллельно Мандаринской, и тѣмъ дать возможность войскамъ двигаться быстрѣе. Перешли у полотна желѣзной дороги, при чемъ на подъемѣ къ переѣзду произошли сцены, которыя трудно описать. Почва размокла отъ начавшаго моросить дождя, и все покрылось слоемъ водяной пыли, я чувствовалъ, что промокаю насквозь: сѣдло, поводья, моя Изида, мой костюмъ, все было мокро отъ воды;

я боялся вынуть аппаратъ изъ чехла, чтобы онъ не испортился отъ этой ужасной сырости. На подъемѣ лошади скользили, падали, катились внизъ, опрокидывались телѣги, у которыхъ копошились какіе-то, обмазанные клейкой манчжурской грязью, гномы, въ которыхъ трудно было разобрать образъ человѣческой. И это въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ, пока наступила наша очередь скользить, падать и перепачкаться въ грязи по уши. Наконецъ, мы продѣлали все вышесказанное и перебрались на другую сторону полотна.

Дорога стала просторнѣе и безъ канавъ, что было очень пріятно, особенно въ темнотѣ, когда канавы играли самую предательскую роль, заставляя опрокидываться телѣги и падать людей и лошадей.

Всѣ промокли и устали отъ переправы черезъ переѣздъ желѣзной дороги. Рѣшили засвѣтло расположиться на ночлегъ; о какомъ-либо укрытіи отъ дождя нечего было и думать; свернули въ сторону и на первой же попавшейся полянѣ расположились на сырой промокнувшей землѣ, подложивъ подъ себя пучки мокраго гаоляну, чтобы не лежать въ водѣ, которая скопилась между бороздами поля.

Кругомъ на далекое разстояніе ни деревца, ни жилья; огня развести нечего и думать, а, слѣдовательно, и согрѣться чаемъ нельзя; расположеніе духа у всѣхъ самое скверное. Батюшка устроилъ себѣ что-то въ родѣ палатки и помѣстился въ ней вмѣстѣ съ командиромъ обоза, предложивъ и мнѣ ползти подъ мокрый холстъ; но я предпочелъ остаться на открытомъ воздухѣ.

Ночь была холодная, я укрылся, какъ могъ, промокшимъ плащомъ и, положивъ голову на сѣдло, заснулъ. Спаль, по всей вѣроятности, долго, такъ какъ проснулся, когда уже было совсѣмъ свѣтло, дождя не было, но за ночь лужи увеличились, и мое бѣлье, платье, сапоги — все было мокрое. Я дрожалъ, какъ въ лихорадкѣ; чтобы согрѣться, я быстро всталъ и, такъ какъ всѣ еще спали, пошелъ скорымъ шагомъ изъ лагеря, желая движеніемъ возстановить нѣкоторую теплоту въ тѣлѣ.

Верстахъ въ полуторахъ отъ нашего лагеря виднѣлся дымокъ. Я отправился туда. Подойдя ближе, увидѣлъ лагерь артиллеріи, у офицерской палатки маленькій костеръ, гдѣ кипѣлъ чайникъ.

Я подошелъ къ палаткѣ и увидѣлъ нѣсколькихъ офицеровъ за чаемъ; вошелъ къ нимъ, объяснилъ, кто я, какъ очутился здѣсь, и кончилъ просьбой напоить меня чаемъ. Мое желаніе было немедленно удовлетворено, и я съ удовольствіемъ, размачивая сухари, втягивалъ живительный напитокъ, ощущая пріятное тепло по всему тѣлу.

Долго оставаться у моихъ новыхъ знакомыхъ не приходилось, обозъ могъ выступить, и я могъ опять его потерять, что было бы очень печально, такъ какъ и моя лошадь могла уйти съ обозомъ. Я поблагодарилъ за угощеніе и поспѣшно вернулся назадъ. У насъ все уже проснулось, и люди расправляли озябшіе члены, дрожа отъ утренняго холода.

Взошло солнце, и всѣ какъ-то повеселѣли; гдѣ-то добыли брошенный на дорогѣ ящикъ, послужившій намъ дровами, на немъ приготовили чай и согрѣли консервы. Солнце начало пригрѣвать и обсушивать насъ.

Часовъ около 10-и выступили и шли вдоль полотна желѣзной дороги. Шли весь день и къ ночи подошли къ станціи Янтай, гдѣ и расположились бивакомъ, неподалеку отъ станціи. Ночь прошла спокойнѣе, были видны огоньки станціи, и свистѣли паровозы. Утромъ, проснувшись, я побѣжалъ на станцію, надѣясь купить что-нибудь, но надежда была тщетная; купилъ только немного табаку и тому былъ радъ, такъ какъ давно уже не курилъ, потерявъ трубку и выкуривъ весь табакъ. Вернулся въ лагерь, подѣлился моей покупкой съ моими спутниками, а за это получилъ трубочку отъ батюшки и принялся курить, наверстывая то время, когда я былъ безъ трубки и табаку.

Отъ Янтая мы двинулись опять по Мандаринской дорогѣ къ Мукдену, снова вошли въ потокъ людей и къ полудню пришли къ рѣкѣ съ довольно крутыми песчаными берегами; моста не было, и переправа происходила въ бродѣ; сама рѣчка была не глубока, но теченіе быстрое.

Поселокъ въ Мукденъ.

я боялся вынуть аппаратъ изъ чехла, чтобы онъ не испортился отъ этой ужасной сырости. На подъемѣ лошади скользили, падали, катились внизъ, опрокидывались телѣги, у которыхъ копошились какіе-то, обмазанные клейкой манчжурской грязью, гномы, въ которыхъ трудно было разобрать образъ человѣческой. И это въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ, пока наступила наша очередь скользить, падать и перепачкаться въ грязи по уши. Наконецъ, мы продѣлали все вышесказанное и перебрались на другую сторону полотна.

Дорога стала просторнѣе и безъ канавъ, что было очень пріятно, особенно въ темнотѣ, когда канавы играли самую предательскую роль, заставляя опрокидываться телѣги и падать людей и лошадей.

Всѣ промокли и устали отъ переправы черезъ переѣздъ желѣзной дороги. Рѣшили засвѣтло расположиться на ночлегъ; о какомъ-либо укрытіи отъ дождя нечего было и думать; свернули въ сторону и на первой же попавшейся полянѣ расположились на сырой промокнувшей землѣ, подложивъ подъ себя пучки мокраго гаоляну, чтобы не лежать въ водѣ, которая скопилась между бороздами поля.

Кругомъ на далекое разстояніе ни деревца, ни жилья; огня развести нечего и думать, а, слѣдовательно, и согрѣться чаемъ нельзя; расположеніе духа у всѣхъ самое скверное. Батюшка устроилъ себѣ что-то въ родѣ палатки и помѣстился въ ней вмѣстѣ съ командиромъ обоза, предложивъ и мнѣ ползти подъ мокрый холстъ; но я предпочелъ остаться на открытомъ воздухѣ.

Ночь была холодная, я укрылся, какъ могъ, промокшимъ плащомъ и, положивъ голову на сѣдло, заснулъ. Спалъ, по всей вѣроятности, долго, такъ какъ проснулся, когда уже было совсѣмъ свѣтло, дождя не было, но за ночь лужи увеличились, и мое бѣлье, платье, сапоги — все было мокрое. Я дрожалъ, какъ въ лихорадкѣ; чтобы согрѣться, я быстро всталъ и, такъ какъ всѣ еще спали, пошелъ скорымъ шагомъ изъ лагеря, желая движеніемъ возстановить нѣкоторую теплоту въ тѣлѣ.

Верстахъ въ полуторахъ отъ нашего лагеря виднѣлся дымокъ. Я отправился туда. Подойдя ближе, увидѣлъ лагерь артиллеріи, у офицерской палатки маленькій костеръ, гдѣ кипѣлъ чайникъ.

Я подошелъ къ палаткѣ и увидѣлъ нѣсколькихъ офицеровъ за чаемъ; вошелъ къ нимъ, объяснилъ, кто я, какъ очутился здѣсь, и кончилъ просьбой напоить меня чаемъ. Мое желаніе было немедленно удовлетворено, и я съ удовольствіемъ, размачивая сухари, втягивалъ живительный напитокъ, ощущая пріятное тепло по всему тѣлу.

Долго оставаться у моихъ новыхъ знакомыхъ не приходилось, обозъ могъ выступить, и я могъ опять его потерять, что было бы очень печально, такъ какъ и моя лошадь могла уйти съ обозомъ. Я поблагодарилъ за угощеніе и поспѣшно вернулся назадъ. У насъ все уже проснулось, и люди расправляли озябшіе члены, дрожа отъ утренняго холода.

Взошло солнце, и всѣ какъ-то повеселѣли; гдѣ-то добыли брошенный на дорогѣ ящикъ, послужившій намъ дровами, на немъ приготовили чай и согрѣли консервы. Солнце начало пригрѣвать и обсушивать насъ.

Часовъ около 10-и выступили и шли вдоль полотна желѣзной дороги. Шли весь день и къ ночи подошли къ станціи Янтай, гдѣ и расположились бивакомъ, неподалеку отъ станціи. Ночь прошла спокойнѣе, были видны огоньки станціи, и свистѣли паровозы. Утромъ, проснувшись, я побѣжалъ на станцію, надѣясь купить что-нибудь, но надежда была тщетная; купилъ только немного табаку и тому былъ радъ, такъ какъ давно уже не курилъ, потерявъ трубку и выкуривъ весь табакъ. Вернулся въ лагерь, подѣлился моей покупкой съ моими спутниками, а за это получилъ трубочку отъ батюшки и принялся курить, наверстывая то время, когда я былъ безъ трубки и табаку.

Отъ Янтай мы двинулись опять по Мандаринской дорогѣ къ Мукдену, снова вошли въ потокъ людей и къ полудню пришли къ рѣкѣ съ довольно крутыми песчаными берегами; моста не было, и переправа происходила въ бродъ; сама рѣчка была не глубока, но теченіе быстрое.

Прекрасный солнечный день, голубое небо, и оба берега рѣки, покрытые переправляющимися и уже переправившимися войсками, представляли для меня массу чудныхъ мотивовъ.

Отдавъ мою Изиду драгуну, я пѣшкомъ сталъ обходить и снимать живописныя группы. Пѣхота, артиллерія и кавалерія переходили рѣчку въ бродъ и взбирались на противоположные откосы песчаного берега. Масса солнца, движенія и блеска. Чтобы снять нѣкоторыя группы, особенно артиллерію, въѣзжающую въ воду, я нѣсколько разъ переходилъ рѣку въ бродъ, останавливаясь посрединѣ, чтобы

поймать красивые моменты. Сапоги мои были полны воды, но это меня не беспокоило: я былъ увлеченъ красотой картины и забылъ о своихъ ногахъ, за что и поплатился сильнымъ насморкомъ. Перешелъ рѣку и нашъ обозъ, я сѣлъ на лошадь, и мы двинулись впередъ.

Черезъ нѣсколько верстъ показалась вдали синяя лента Хунъ-Хэ. Мы подошли къ берегу у моста; здѣсь обозъ остановился, ожидая очереди. Опять мнѣ представился случай снять живописныя группы бѣгущихъ къ Мукдену китайцевъ съ женами, дѣтьми, скотомъ и домашнимъ скарбомъ. Они переправлялись вплавъ черезъ Хунъ-Хэ. Китайцы спасались отъ японцевъ, такъ какъ наши непрі-

ятыхъ мостовъ было три. Намъ указали тотъ, черезъ который нужно было переходить нашей части, и обозъ потянулся къ среднему мосту; здѣсь опять задержка: нужно ждать очереди, а очередь не скоро. Наскучивъ ожиданіемъ, я переѣхалъ рѣку вплавъ и, очутившись на томъ берегу, сталъ ожидать нашего обоза. Командиру удалось схитрить и втиснуть нашъ обозъ не въ очередь; хотя и пришлось выдержать перепалку съ другими начальниками, но обозъ вскорѣ очутился на этой сторонѣ, и мы двинулись къ Мукдену, башни котораго золотило заходящее солнце. Не доѣзжая версты до города, расположились бивакомъ и приступили къ чаепитію.

Признаюсь, съ чувствомъ удовольствія смотрѣлъ я на знакомый мнѣ городъ, надѣясь найти въ немъ столь необходимый мнѣ отдыхъ и хоть какой-нибудь комфортъ.

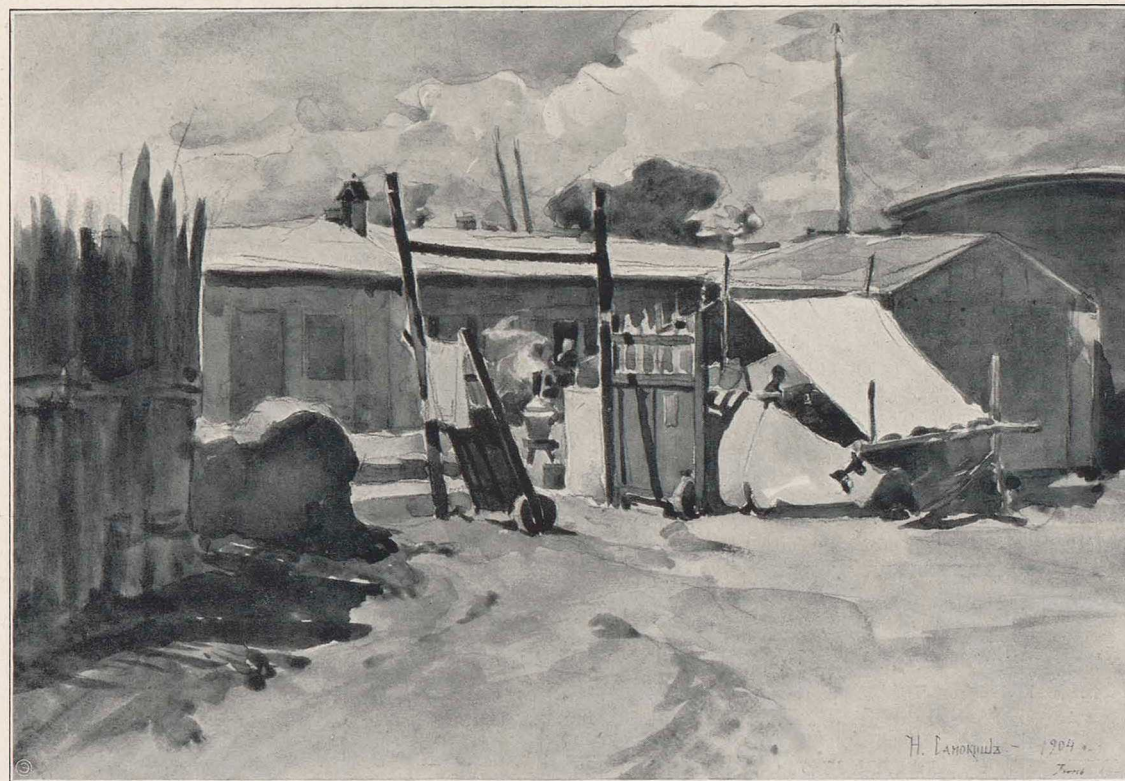
Художникъ Н. Самокишъ.

тели не особенно человѣчно обращаются съ населеніемъ.

Арбы нагружены гаоляномъ, привязаннымъ веревками; на верху такого плота сидятъ женщины, дѣти и старики; молодые китайцы, совершенно голые, съ гикомъ погоняютъ лошадей и муловъ, въѣзжаютъ въ воду и нѣкоторое время плывутъ по срединѣ рѣки, продолжая орать и хлестать лошадей, пока выберутся на болѣе мелкое мѣсто. Арбы превосходно держатся на пучкахъ гаоляна, какъ на поплавахъ. Было много очень забавныхъ сценъ, но все кончилось благополучно, и среди смѣха и визга переѣзжали китайцы на другой берегъ. Тѣмъ временемъ по мостамъ, построеннымъ на понтонахъ, шла переправа войскъ;

Двѣ недѣли я не раздѣвался, не мѣнялъ бѣлья и по два, по три дня не умывался: не до того было. Костюмъ мой изнашивался и изорвался въ тряпки. Я былъ не брить и не стригся уже три мѣсяца. Сильный зудъ по всему тѣлу ясно говорилъ, что у меня завелись беспокойные жильцы, спутники походной жизни, и въ довершеніе всего моя обувь была только сверху похожа на сапоги, подошвъ не было вовсе, а голенищи отъ продолжительной ѣзды верхомъ протерлись въ мѣстахъ, соприкасающихся съ сѣдломъ.

Я смотрѣлъ, лежа подъ деревомъ на зеленой травѣ, на виднѣющуюся близко Мукденскую башню и думалъ, что заслужилъ отдыхъ, что теперь я могу каждый день ложиться спать подъ крышей и, что самое важное, сбросить съ себя тѣ лохмотья, которые остались на мнѣ послѣ похода, и одѣтъ свѣжее бѣлье и платье.

Ш А Х Э.

Послѣ мѣсяца походной жизни я снова очутился въ Мукденѣ, но не узналъ его. Въ началѣ Іюля я покинулъ городъ въ цвѣтущемъ видѣ: все было зелено, вездѣ были чистота и порядокъ, во время обѣда въ офицерскомъ собраніи играла музыка, на вокзалѣ и по улицамъ виднѣлась нарядная толпа офицеровъ штаба намѣстника, магазины въ поселкѣ у вокзала бойко торговали. Теперь же это представляло полное разореніе: всѣ, кто могъ, спѣшили выбраться изъ Мукдена въ Тѣлинъ и далѣе въ Харбинъ; дома оставлялись, проходящія войска жгли на топливо деревянныя постройки, магазины въ поселкѣ были всѣ заколочены и брошены, такъ какъ всѣ думали, что Мукденъ будетъ оставленъ. Торговали только на вокзалѣ, гдѣ можно было получить скверную котлету за 1 рубль или бутылку шампанскаго за 15 рублей. Буфетчикъ грекъ нисколько не стѣснялся въ назначеніи цѣнъ — сотня скверныхъ папиросъ стоила 5 рублей и т. д., — онъ зналъ, что все будетъ куплено и все съѣдятъ, какого бы качества оно ни было.

Дома безъ дверей и съ разбитыми стеклами выглядели неуютно и угрюмо. На главной площади, у дома намѣстника стоялъ бивакъ Краснаго Креста. Я нашелъ убѣжище въ цензурѣ для корреспондентовъ у моихъ знакомыхъ, полковника П. и капитана Т. Они жили тоже на бивакѣ и каждую минуту готовились покинуть Мукденъ. Спалъ я на охапкѣ сѣна, брошенной въ углу комнаты,

но и это казалось мнѣ раемъ, послѣ сна въ мокрую августовскую ночь на мокромъ галянь. Здѣсь я могъ имѣть горячій чай и каждый день незатѣйливый обѣдъ, а въ походѣ и этого не было.

Устроившись съ квартирой, я рѣшилъ пожить немного въ Мукденѣ, привести въ порядокъ мои матеріалы и мой костюмъ, пришедшій въ полное разрушеніе. Первымъ дѣломъ купилъ въ Экономическомъ обществѣ сапоги, а затѣмъ въ китайскомъ городѣ китайскую теплую куртку и ватные штаны, такъ какъ холодъ давалъ себя изрядно чувствовать по вечерамъ и раннимъ утрамъ, когда я уходилъ на этюдъ. Проходящія войска давали массу матеріала, а пейзажъ въ осеннемъ уборѣ былъ великолѣпенъ.

Черезъ недѣлю мои хозяева уѣхали въ Харбинъ, а я остался въ ихъ помѣщеніи, но ненадолго. Помѣщеніе мое было занято подъ развѣдочное отдѣленіе, гдѣ допрашивали плѣнныхъ; мнѣ дали маленькую комнатку у вокзала, но и оттуда выселили, такъ какъ мое помѣщеніе по какой дѣятельности. Наши войска стягивались и укрѣпляли позиціи; говорили о наступленіи. Мнѣ жилось въ Мукденѣ сравнительно спокойно, и я дѣлалъ свое дѣло, не спѣша и ожидая момента, когда можно будетъ двинуться къ боевой линіи. Въ это время мнѣ пришлось сдѣлать нѣсколько рисунковъ съ плѣнныхъ японцевъ и присутствовать при допросѣ ихъ. Разъ ночью, проснувшись, я услышалъ отдаленный звукъ канонады: на другой день стало извѣстно, что наши войска перешли въ наступленіе, и что бой идетъ по всему фронту.

Дворикъ китайскаго дома въ Мукденѣ.

надобилось для чего-то другого (на войнѣ все мѣняется необыкновенно быстро), и дали мнѣ помѣщеніе въ поселкѣ, въ квартирѣ офицеровъ развѣдчиковъ при главнокомандующемъ. Въ этой комнаткѣ я прожилъ довольно долго, а такъ какъ по ночамъ было уже очень холодно, и бывали заморозки, то я завелъ желѣзную печку. Пока печка топилась, было тепло, но стоило только прекратить топку, какъ печь моментально остывала, и тепло уходило въ щели, которыхъ было очень много, а потому согрѣвался я больше горячимъ чаемъ.

На фронтѣ и на флангахъ нашей арміи дѣлъ большихъ не было; японцы послѣ Лаояна не проявляли почти ни-

Плѣнный японскій драгунъ.

но и это казалось мнѣ раемъ, послѣ сна въ дождь въ мокрую августовскую ночь на мокромъ галянь. Здѣсь я могъ имѣть горячій чай и каждый день незатѣйливый обѣдъ, а въ походѣ и этого не было.

Устроившись съ квартирой, я рѣшилъ пожить немного въ Мукденѣ, привести въ порядокъ мои матеріалы и мой костюмъ, пришедшій въ полное разрушеніе. Первымъ дѣломъ купилъ въ Экономическомъ обществѣ сапоги, а затѣмъ въ китайскомъ городѣ китайскую теплую куртку и ватные штаны, такъ какъ холодъ давалъ себя изрядно чувствовать по вечерамъ и раннимъ утрамъ, когда я уходилъ на этюдъ. Проходящая войска давали массу матеріала, а пейзажъ въ осеннемъ уборѣ былъ великолѣпенъ.

Черезъ недѣлю мои хозяева уѣхали въ Харбинъ, а я остался въ ихъ помѣщеніи, но ненадолго. Помѣщеніе мое было занято подъ развѣдочное отдѣленіе, гдѣ допрашивали плѣнныхъ; мнѣ дали маленькую комнатку у вокзала, но и оттуда выселили, такъ какъ мое помѣщеніе покакой дѣятельности. Наши войска стягивались и укрѣпляли позиціи; говорили о наступленіи. Мнѣ жилось въ Мукденѣ сравнительно спокойно, и я дѣлалъ свое дѣло, не спѣша и ожидая момента, когда можно будетъ двинуться къ боевой линіи. Въ это время мнѣ пришлось сдѣлать нѣсколько рисунковъ съ плѣнныхъ японцевъ и присутствовать при допросѣ ихъ. Разъ ночью, проснувшись, я услышалъ отдаленный звукъ канонады: на другой день стало извѣстно, что наши войска перешли въ наступленіе, и что бой идетъ по всему фронту.

Дворикъ китайскаго дома въ Мукденѣ.

надобилось для чего-то другого (на войнѣ все мѣняется необыкновенно быстро), и дали мнѣ помѣщеніе въ поселкѣ, въ квартирѣ офицеровъ развѣдчиковъ при главнокомандующемъ. Въ этой комнаткѣ я прожилъ довольно долго, а такъ какъ по ночамъ было уже очень холодно, и бывали заморозки, то я завелъ желѣзную печку. Пока печка топилась, было тепло, но стоило только прекратить топку, какъ печь моментально остывала, и тепло уходило въ щели, которыхъ было очень много, а потому согрѣвался я больше горячимъ чаемъ.

На фронтѣ и на флангахъ нашей арміи дѣлъ большихъ не было; японцы послѣ Лаояна не проявляли почти ни-

Последнее подтверждалъ непрерывный звукъ орудій, ясно слышный въ Мукденѣ. Я поспѣшилъ собрать свой маленькій багажъ и съ первымъ же поѣздомъ уѣхалъ къ Шахэ, гдѣ былъ нашъ центръ, и гдѣ кипѣлъ бой. На вокзалѣ въ Мукденѣ я уже встрѣтилъ раненыхъ. Сѣвъ въ товарный вагонъ, доѣхалъ до станціи Суятунъ (дальше поѣзда не ходили). Выйдя изъ вагона, я пошелъ по шпаламъ по направленію выстрѣловъ и столбовъ дыма отъ горѣвшихъ деревень.

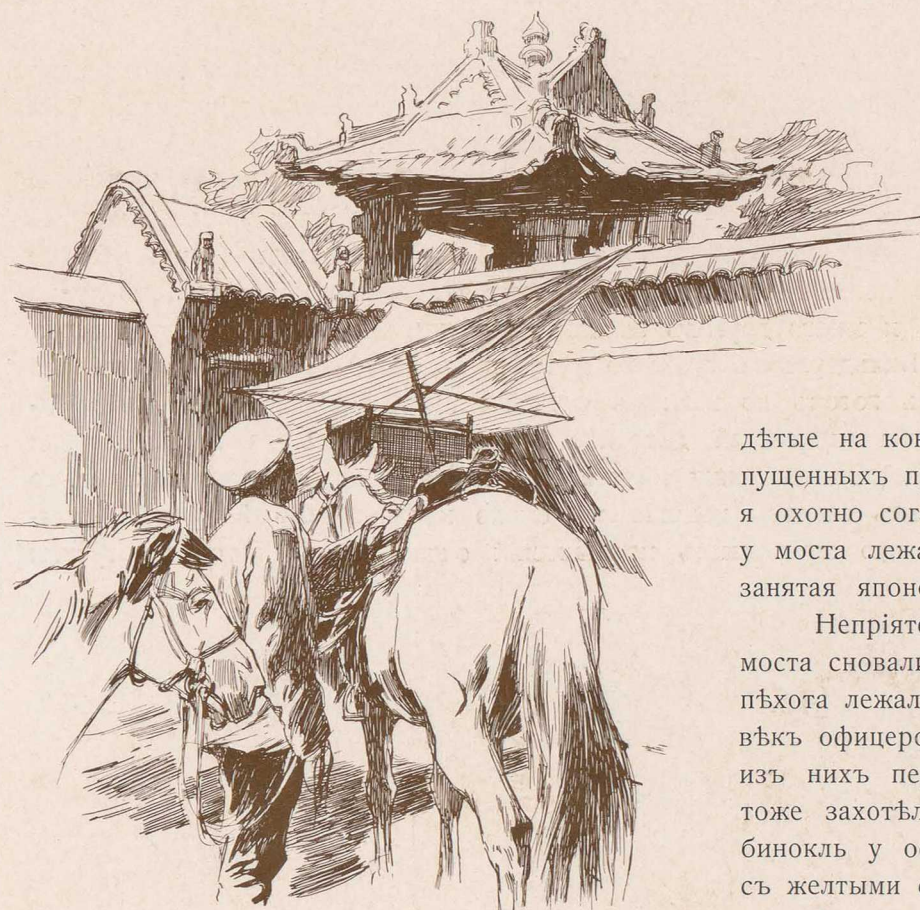
Дойдя до желѣзнодорожнаго развѣзда передъ станціей Шахэ, я увидѣлъ штабъ 17-го корпуса и генерала Бильдерлинга, который привѣтливо меня встрѣтилъ; здѣсь же были и мои старые знакомые по Лаояну: молодой и симпатичный графъ Келлеръ (сынъ убитаго на Далинскомъ перевалѣ графа Келлера), полковникъ Нѣжинскаго драгунскаго полка Мирбахъ, къ которому я душевно привязался во время моего пребыванія на Тайдзыхэ, австрійскій военный агентъ графъ Шептицкій и много другихъ знакомыхъ офицеровъ. Поговоривъ съ ними, я просилъ разрѣшенія пойти впередъ посмотреть, что тамъ происходитъ. Бильдерлингъ любезно разрѣшилъ мнѣ, но предупредилъ, что я вступаю въ обстрѣливаемый непріателемъ районъ и потому долженъ быть готовъ ко всякимъ случайностямъ. Поблагодаривъ за предупрежденіе, я отправился по шпаламъ впередъ. Было часа два дня, облачка шрапнелей довольно часто появлялись на небѣ. Пройдя версты двѣ, увидѣлъ направо отъ желѣзной дороги китайскую деревню; въ ней стояли наши пѣхота и артиллерія; на краю деревни что-то горѣло. Я свернулъ съ полотна дороги и подошелъ къ деревнѣ; между фанзъ солдаты копошились около какой-то бѣлой кучи и отходили оттуда, перепачканные въ бѣломъ порошокѣ. Подойдя ближе, узналъ, что жгли нашъ провіантскій складъ, муку и овесъ: густыя облака черного дыма поднимались вверхъ, полуразрушенная уже фанза, въ которой былъ складъ, горѣла вмѣстѣ съ хлѣбомъ.

Солдатики бѣгали, брали муку, кто куда могъ, а другіе тутъ же на землѣ, поливъ водою, мѣсили и валяли булки изъ муки, чтобы удобнѣе было унести съ собой. Все это въ бѣлой мучной пыли на фонѣ огня и дыма, освѣщенное солнцемъ, было великолѣпно и картинно, какъ батальный жанръ, и я очень жалѣлъ, что не могъ сдѣлать этюда красками.

Посмотрѣвъ на пожаръ, опять повернулъ на полотно желѣзной дороги; взойдя на насыпь, встрѣтилъ капитана Моршанскаго полка Савельева, моего знакомаго. Онъ сопровождалъ генерала, объѣзжавшаго линію нашихъ войскъ. Мы разговорились о сраженіи, и онъ сказалъ мнѣ, что ходить вправо опасно, такъ какъ японцы сейчасъ начнутъ обстрѣливать наши батареи, которыя были видны съ полотна желѣзной дороги. Простившись съ нимъ, я пошелъ впередъ; поравнявшись съ батареями, я вспомнилъ, что у меня нѣтъ еще снимка боевой стрѣльбы, и направился къ нашимъ батареямъ, которыя изрѣдка стрѣляли по непріятелю. Подойдя ближе, познакомился съ офицерами и, получивъ разрѣшеніе остаться на батарее, принялся наблюдать и снимать боевую стрѣльбу. Всѣ орудія были очень искусно маскированы; непріятелю открыть ихъ было очень трудно съ четырехверстной дистанціи: орудія стояли въ ямахъ, и только дула торчали сверху, передъ ямой былъ небольшой валикъ земли, само орудіе и всѣ

Японскіе пльнные.

Н. Гамовъ из.

блестящія металлическія части были вымазаны грязью и глиной, чтобы блескъ стали на солнцѣ не выдалъ мѣста нахождения орудія; прислуга была тщательно укрыта въ ямѣ, а зарядные ящики стояли на порядочной дистанціи сзади и были укрыты пучками чумизы.

Мѣсто впереди хобота орудія было полито водой, чтобы пыль отъ выстрѣловъ не вздымалась кверху и не давала непріятелю возможности опредѣлить прицѣлъ. По приглашенію офицеровъ, я присѣлъ на бурку и выпилъ рюмку водки за успѣхъ стрѣльбы въ то время, какъ орудіе посылало свои стальные гостинцы непріятелю. У шрапнелей при вкладываніи въ казенную часть орудія снимаются алюминіевые колпачки, надѣтые на конецъ снаряда. Я взялъ себѣ на память нѣсколько такихъ колпачковъ отъ выпущенныхъ при мнѣ снарядовъ. Командующій батареей офицеръ предложилъ сварить какао; я охотно согласился, и пока оно варилось, я пошелъ къ рѣкѣ Шахэ, на берегу которой у моста лежали наши цѣпи, а на другой сторонѣ, шагахъ въ 1000, была станція Шахэ, занятая японской пѣхотой; ружейнаго огня не было, и все казалось довольно спокойно.

Непріятельскія шрапнели рвались вправо, и по полотну желѣзной дороги до самаго моста сновали наши солдаты. Я подошелъ къ самому мосту, онъ не былъ разрушенъ; наша пѣхота лежала длинными рядами въ траншеяхъ по обоимъ берегамъ рѣки; нѣсколько чело-вѣкъ офицеровъ стояли на виду, на самомъ мосту, наблюдая въ бинокль за станціей. Одинъ изъ нихъ перешелъ мостъ и сталъ пристально смотрѣть въ бинокль на водокачку; мнѣ тоже захотѣлось какъ можно ближе увидѣть японцевъ. Я перешелъ мостъ и, попросивъ бинокль у офицера, сталъ разсматривать станцію. Кое-гдѣ видны были черныя фуражки съ желтыми околышами, которыя быстро прятались.

Въ этотъ моментъ съ визгомъ и шипѣніемъ пронеслось надъ нашими головами нѣсколько снарядовъ и разорвалось надъ станціей. Это стрѣляли наши. Я еще внимательнѣе сталъ смотрѣть въ бинокль: ничего нѣтъ, никакого признака людей; но вотъ еще залпъ

нашей артиллеріи съ болѣе осязательнымъ результатомъ: очевидно, осколки снарядовъ попали въ окна, и почти тотчасъ же я увидѣлъ нѣсколько фигуръ японскихъ солдатъ, которые затыкали окна досками и разнымъ хламомъ.

Я бросилъ наблюдать и поспѣшилъ обратно черезъ мостъ, такъ какъ было бы очень непріятно попасть подъ ружейный огонь на такой близкой дистанціи.

Перейдя на эту сторону Шахэ, я направился къ нашей батарее сообщить офицерамъ о результатѣ стрѣльбы и выпить обѣщаннаго какао. Мои новые знакомцы ждали меня, и мы всѣ гурьбой, усѣвшись на бурку, стали говорить о теперешней роли артиллеріи въ бою. Въ это время солдатикъ принесъ горячее какао, и я уже предвкушалъ удовольствіе выпить этого укрѣпляющаго напитка послѣ цѣлаго дня ходьбы и усталости. Мнѣ налили стаканъ, и я протянулъ руку, чтобы взять свою порцію; вдругъ послышался рѣзкій шипящій и визжащій звукъ, и бризантный снарядъ ударилъ въ земляной валикъ передъ нашимъ орудіемъ: раздался взрывъ, шуршаніе осколковъ, клубъ буро-

черного дыма поднялся вверх вмѣстѣ съ комьями земли, полетѣвшими во всѣ стороны и опрокинутыми и мой стаканъ и весь какао. Раздалась команда: „По мѣстамъ!“ Офицеры бросились къ своимъ орудіямъ.

Въ первый моментъ я ошолбенѣлъ отъ неожиданности, потомъ, вскочивъ съ мѣста, бросился назадъ отъ батареи; офицеры кричали мнѣ, чтобы я спрятался въ яму, но я, не отдавая себѣ отчета, быстро шелъ, а вначалѣ даже бѣжалъ отъ батареи. Не прошло и двухъ минутъ, какъ тотъ же противный звукъ и ударъ снаряда вправо отъ меня, шагахъ въ двадцати, но взрыва не было, еще свистъ и еще снарядъ влѣво отъ меня, хотя и на значительномъ разстояніи. Я растерялся и остановился, понявъ, что отъ этого не уйдешь. Нѣсколько впереди меня виднѣлись головы солдатъ, высывавшихся изъ траншеи—это было пѣхотное прикрытіе нашей батареи.

Офицеры, приподнявшись, дѣлали мнѣ знаки спрятаться въ траншею, но я, знакомъ поблагодаривъ ихъ, все шелъ впередъ, желая уйти отъ этого пронзительнаго свиста и шипѣнія. Пройдя еще немного впередъ, я оглянулся на нашу батарею. По полю то здѣсь, то тамъ поднимались клубы дыма и земли, но щихъ; всѣ помѣщенія были переполнены офицерами и солдатами; я едва нашелъ маленькое мѣстечко на сундукахъ; скорчившись, заснулъ въ полусидячемъ положеніи и, несмотря на неудобство, спалъ крѣпко. Проснулся рано; на дворѣ было мокро и холодно. Вокругъ станціи стояли палатки Краснаго Креста, и раненые, раненые безъ конца. Поѣздъ былъ наполненъ ими, но ихъ несли отовсюду. Доставъ, вмѣсто чаю, стаканъ какой-то бурды и кусокъ черного хлѣба, я пошелъ опять по направленію выстрѣловъ, которые уже гремѣли у Шахэ. Проходя мимо поѣзда съ ранеными, я увидѣлъ въ одномъ изъ вагоновъ человѣка съ завязаннымъ лицомъ, видны были только глаза; онъ стоялъ у дверей товарнаго вагона и дѣлалъ мнѣ знаки подойти ближе. Я подошелъ. „Вы меня не узнаете?“ послышался вопросъ. „Простите, не узнаю“. Оказалось, что это старшій офицеръ той батареи, на которой вчера я собирался пить какао. Онъ былъ раненъ шрапнельной пулей въ носъ

это уже было сравнительно далеко отъ меня.

Избѣжавъ непріятнаго сосѣдства бризантныхъ снарядовъ, я направился по полотну желѣзной дороги къ станціи Суятунъ. Уже наступалъ вечеръ, солнце садилось, и нужно было подумать о ночлегѣ. Придя на станцію, я узналъ, что поѣздъ не идетъ въ Мукденъ, а будетъ ждать раненыхъ, которыхъ подносили и подвозили къ станціи со всѣхъ сторонъ. Начиналъ накрапывать дождикъ, становилось холодно. Я зашелъ на станцію; тамъ еще работалъ одинъ телеграфистъ, и было нѣсколько служа-

сдѣлать въ три часа, а, ожидая поѣзда, могъ и до вечера не уѣхать; поэтому пошелъ впередъ, шагая по шпаламъ. Сильный вѣтеръ дулъ мнѣ въ лицо, поднимая пыль, но я не обращалъ на это вниманія, продолжая двигаться впередъ, и часа черезъ 3 былъ уже у семафора станціи Суятунъ, правда, усталый и вспотѣвшій отъ продолжительной, безостановочной ходьбы, но довольный, что я у цѣли.

Зайдя на станцію, я не засталъ уже чиновниковъ, но телеграфистъ еще былъ, онъ объяснилъ мнѣ, что вчера вечеромъ непріятельскіе снаряды стали падать у семафора, и поэтому рѣшено было вывезти со станціи имущество и чиновниковъ. Дѣйствительно, комнаты были

сейчасъ же послѣ моего ухода съ батареи. Выразивъ ему мое сожалѣніе и пожелавъ скорѣйшаго выздоровленія, я пошелъ дальше, подобравъ по дорогѣ нѣсколько нашихъ и японскихъ пуль на память.

Дойти до моста мнѣ уже не удалось — эта площадь была густо обстрѣливаема непріателемъ — и, свернувъ съ полотна, я зашелъ въ полуразрушенную фанзу, чтобы сдѣлать этюдъ мѣстности. Проработавъ часа три, я вернулся на станцію и, такъ какъ былъ страшно голоденъ, рѣшилъ ѣхать въ Мукденъ пообѣдать и выспаться.

Сѣвъ на тормозную площадку, такъ какъ всѣ вагоны были полны ранеными, и прождавъ часа 4, наконецъ, приѣхалъ въ Мукденъ часовъ въ 8 вечера, пообѣдалъ на вокзалѣ и, придя домой, сейчасъ же легъ спать.

Проснувшись на другой день, первое, что я услышалъ, были орудійные залпы; бой, очевидно, шелъ попрежнему. Поскорѣе снарядился и пошелъ на вокзалъ; къ моему величайшему огорченію, поѣздъ только-что ушелъ; приходилось ждать неопредѣленное время, а тамъ, подѣ Шахэ, сражались, и звукъ битвы неодолимо привлекалъ меня туда; я рѣшилъ итти пѣшкомъ. 15 верстъ я могъ

сдѣлать въ три часа, а, ожидая поѣзда, могъ и до вечера не уѣхать; поэтому пошелъ впередъ, шагая по шпаламъ. Сильный вѣтеръ дулъ мнѣ въ лицо, поднимая пыль, но я не обращалъ на это вниманія, продолжая двигаться впередъ, и часа черезъ 3 былъ уже у семафора станціи Суятунъ, правда, усталый и вспотѣвшій отъ продолжительной, безостановочной ходьбы, но довольный, что я у цѣли.

Зайдя на станцію, я не засталъ уже чиновниковъ, но телеграфистъ еще былъ, онъ объяснилъ мнѣ, что вчера вечеромъ непріятельскіе снаряды стали падать у семафора, и поэтому рѣшено было вывезти со станціи имущество и чиновниковъ. Дѣйствительно, комнаты были

сейчасъ же послѣ моего ухода съ батареи. Выразивъ ему мое сожалѣніе и пожелавъ скорѣйшаго выздоровленія, я пошелъ дальше, подобравъ по дорогѣ нѣсколько нашихъ и японскихъ пуль на память.

Дойти до моста мнѣ уже не удалось — эта площадь была густо обстрѣливаема непріателемъ — и, свернувъ съ полотна, я зашелъ въ полуразрушенную фанзу, чтобы сдѣлать этюдъ мѣстности. Проработавъ часа три, я вернулся на станцію и, такъ какъ былъ страшно голоденъ, рѣшилъ ѣхать въ Мукденъ пообѣдать и выспаться.

Сѣвъ на тормозную площадку, такъ какъ всѣ вагоны были полны ранеными, и прождавъ часа 4, наконецъ, пріѣхалъ въ Мукденъ часовъ въ 8 вечера, пообѣдалъ на вокзалѣ и, придя домой, сейчасъ же легъ спать.

Проснувшись на другой день, первое, что я услышалъ, были орудійные залпы; бой, очевидно, шелъ попрежнему. Поскорѣе снарядился и пошелъ на вокзалъ; къ моему величайшему огорченію, поѣздъ только-что ушелъ; приходилось ждать неопредѣленное время, а тамъ, подѣ Шахэ, сражались, и звукъ битвы неодолимо привлекалъ меня туда; я рѣшилъ итти пѣшкомъ. 15 верстъ я могъ

совсѣмъ пусты, валялись на полу пучки соломы, разныя бумажки и мусоръ; отъ телеграфиста же узналъ, что сейчасъ отходить поѣздъ къ разъѣзду, недалеко отъ Шахэ, подбирать раненыхъ. Я поспѣшилъ воспользоваться случаемъ и, взобравшись на локомотивъ, поѣхалъ впередъ, къ мѣсту боя. Подѣхавъ къ разъѣзду, поѣздъ остановился, и начали подбирать раненыхъ, тянувшихся непрерывной лентой вдоль дороги.

Поѣздъ былъ замѣченъ японцами: не прошло и получаса, какъ брызганые снаряды стали падать у дороги; я стоялъ на площадкѣ передъ трубой паровоза, держа въ рукахъ ружье, взятое у одного раненаго солдата, котораго я довелъ до вагона. Въ это время у самага полотна, передъ паровозомъ шлепнулся снарядъ, поднявъ бурое облако пыли и газовъ; недалеко стояли обозы, все закружилось и понеслось въ стороны, перепуганныя лошади опрокидывали телѣги и людей, шуму и смятенія было много, хотя взрывъ не причинилъ особаго вреда — былъ убитъ одинъ обозный солдатъ, — но картина взрыва была грозная и эффектная. Немедленно поѣздъ далъ задній ходъ и тихо поѣхалъ въ Суятунь, гдѣ раненымъ была оказана первая помощь; тутъ ихъ накормили теплой пищей и уложили на солому въ товарныхъ вагонахъ.

Опять вечеръ былъ дождливый и холодный; я вошелъ въ пустую комнату станціи; было темно; свѣчи не было, съ трудомъ досталъ небольшой огарокъ, зажегъ его и, собравъ валявшуюся по комнатѣ солому въ кучу, завернулся въ пальто и легъ. Не знаю,щенія станціи заняли подъ раненыхъ, такъ какъ палатки плохо предохраняли отъ холода и сырости. Госпожа Лухманова энергично принялась хлопотать объ очисткѣ помѣщеній и переноскѣ раненыхъ. Я, поблагодаривъ за угощеніе, пошелъ опять на дорогу, благо дождь пересталъ, и хотя было очень грязно, но все же итти можно.

Теперь мнѣ захотѣлось обойти наши боевыя линіи, вправо отъ дороги, пробираясь по полю, гдѣ гаолянъ былъ уже снятъ. Тутъ-то я почувствовалъ, что такое манчжурская грязь: сапоги мои облипли такъ, что потеряли совершенно свою форму и были страшно тяжелы, но я все подвигался впередъ и, послѣ упорной борьбы съ лужами, грязью и канавами, вошелъ въ деревню. Названія деревни не знаю, но видъ этой деревни помню хорошо; она была оставлена китайцами, и за деревней стояла наша пѣхота. Всѣ фанзы представляли собой картину полнаго разрушенія: все было перевернуто и перерыто, окна и двери были взяты на топливо, домашній скарбъ и тряпье валялись повсюду;

долго ли спалъ, только проснулся отъ треска ружейной стрѣльбы, выбѣжалъ на дворъ и на горизонтѣ, въ направленіи къ Шахэ, увидѣлъ огоньки ружейныхъ выстрѣловъ; огонь продолжался минутъ 10, затѣмъ все смолкло. Дождь лилъ, какъ изъ ведра, и я поспѣшилъ забраться на мою солому, гдѣ и проспалъ до утра.

Сѣрое, холодное и мокрое утро; я умылся у колодца и, вернувшись въ комнату, сталъ думать, какъ добыть чаю и немного согрѣться. Въ это время ко мнѣ въ комнату вошла вся мокрая, въ высокихъ сапогахъ, сестра милосердія, а за ней еще нѣсколько сестеръ и докторовъ. Я познакомился; оказалось, что одна изъ нихъ госпожа Лухманова; моя фамилія ей была знакома, она очень мило отнеслась ко мнѣ и предложила мнѣ коньяку, который меня ободрилъ и согрѣлъ. Всѣ помѣ-

въ одной фанзѣ, очевидно, была китайская лавка, гдѣ торговали бумагой, дешевой посудой, книжками и курильными свѣчками; все это въ огромномъ количествѣ валялось у фанзы и въ самой фанзѣ; вѣтеръ разносилъ листки и трепалъ книги, валявшіяся на улицѣ. Иду далѣе, у входа въ кумирню цѣлая куча мѣдныхъ ченовъ (китайская монета) разбросана по землѣ и втоптана въ грязь; среди улицы лежитъ крошечный башмачекъ китайской сандриліоны; куски разбитыхъ вазъ и посуды валяются повсюду.

Выйдя на другой конецъ деревни, попалъ въ брошенный ханшинный заводъ, громадный дворъ котораго былъ занятъ пѣхотой; ружья стояли въ козлахъ, во дворѣ горѣли костры и кипѣли котелки; картина была очень живописна, съ полуразрушенными постройками, съ большими чугунными котлами, служившими для перегонки ханшина, и разными приспособленіями завода. Я прошелъ черезъ дворъ и вышелъ въ поле; огонь непріятеля былъ слабъ, и наши орудія не отвѣчали. Пройдя еще съ версту вдоль нашей позиціи, я повернулъ назадъ въ Суятунъ, чтобы въ-время добраться до Мукдена, такъ какъ ночевать мнѣ было рѣшительно негдѣ: станція была занята ранеными.

Пришелъ въ Суятунъ быстро, благодаря тому, что дорога уже подсохла, и грязь не облѣпляла ногъ, какъ было утромъ. Придя на станцію, узналъ, что до утра поѣздъ не пойдетъ, и мнѣ угрожаетъ перспектива спать цѣлую ночь на тормозной площадкѣ, а ночь будетъ, повидимому, холодная. Къ счастью, я встрѣтилъ знакомаго офицера Ч., который тоже стремился въ Мукденъ; благодаря его содѣйствію, мы выпросили дрезину у знакомыхъ ему офицеровъ пограничной стражи и, сѣвши на нее, быстро доѣхали до Мукдена. Поужинали на вокзалѣ, гдѣ масса офицеровъ ютились по угламъ, за столами и даже на полу, принужденные спать тамъ за неимѣніемъ помѣщенія.

Была ясная, холодная ночь, я пошелъ съ вокзала домой, а подъ Шахэ все еще раздавались выстрѣлы, хотя уже со значительно бѣльшими промежутками, чѣмъ въ предшествовавшіе дни.

ХУАНШАНЬ И ЧАНСАМУТУНЬ.

Свиданіе съ главнокомандующимъ.

Н. Гамочкишъ

Бой подъ Шахэ затихъ, и я рѣшилъ пожить въ Мукденѣ и подѣлать осенніе пейзажи въ окрестностяхъ города.

Однажды, придя утромъ на станцію Мукденъ, я встрѣтилъ на вокзалѣ генерала Шевалье-де-ля-Серра, который сказалъ, что ищетъ меня уже дня два, чтобы передать приглашеніе главнокомандующаго пріѣхать къ нему въ Хуаншань. Я былъ очень обрадованъ этимъ извѣстіемъ, тѣмъ болѣе, что главнокомандующій, узнавъ, что у меня нѣтъ лошади, приказалъ дать мнѣ всѣ средства для передвиженія и людей. Изъ пѣхотинца, таскающаго на себѣ всѣ тяжести своего багажа, я превратился, благодаря щедрости главнокомандующаго, въ обладателя не только верховой лошади, но и арбы, при которой находилось двое людей, такъ что могъ двигаться со всѣмъ моимъ имуществомъ.

Не медля ни минуты, я собралъ свой багажъ и въ чудное осеннее утро отправился въ Хуаншань. Дорога была не дальняя; 18 верстъ я проѣхалъ незамѣтно, сдѣлавъ небольшой привалъ на полъ-пути, пріѣхалъ часамъ къ пяти дня и остановился въ фанзѣ, занимаемой дивизіо-

Въ проволоку подъ шрапнелью.

Неожиданное нападение.

Въ проволоку подъ шрапнелью.

номъ развѣдчиковъ, у гостепріимнаго начальника дивизіона С. И. Дроздовскаго и моихъ мукденскихъ знакомыхъ офицеровъ, которые и теперь оказали мнѣ самое широкое радушіе и гостепріимство.

На другой день я, почистившись и приведя въ возможный порядокъ свой туалетъ, отправился къ главнокомандующему, помѣщеніе котораго было на другомъ концѣ деревни. Войдя во дворъ чистой и опрятной фанзы, я былъ встрѣченъ адъютантомъ главнокомандующаго, барономъ Остенъ-Сакеномъ, весьма любезно принявшимъ меня и познакомившимъ съ полковникомъ Кноррингомъ, который передалъ мнѣ приглашеніе главнокомандующаго къ завтраку. Въ 12 ч. дня я былъ въ палаткѣ, гдѣ завтракалъ со штабомъ, и гдѣ полковникъ Кноррингъ сказалъ мнѣ, что главнокомандующій приметъ меня въ 7 ч. вечера. Послѣ завтрака я обошелъ деревню, которая была очень живописна, особенно же теперь, благодаря массѣ войскъ, расположенныхъ вокругъ нея.

Въ назначенный часъ я явился на квартиру главнокомандующаго, и Кноррингъ проводилъ меня въ его помѣщеніе. Генералъ Куропаткинъ принялъ меня необыкновенно ласково и привѣтливо, попенявъ, что я до сихъ поръ не

Деревня Чансамутунъ. — Квартира главнокомандующаго.

Черезъ три недѣли главнокомандующій переѣхалъ со своимъ штабомъ въ деревню Чансамутунъ, и я отправился туда же съ дивизіономъ развѣдчиковъ. По дорогѣ я присутствовалъ на смотре, который сдѣлалъ главнокомандующій бригадѣ Мищенко. Бравый и воинственный видъ бригады привелъ меня въ восторгъ. Я набросалъ отдѣльныя группы.

Въ Чансамутунѣ уже нужно было устраиваться на зиму; было чувствительно холодно, вечеромъ морозъ доходилъ до 10 гр. Дѣятельно принялись мы за устройство нашей фанзы. Всѣ развѣдчики офицеры во главѣ съ командиромъ Дроздовскимъ работали надъ приведеніемъ помѣщенія въ должный видъ, и къ началу Ноября наша фанза была неузнаваема: поставили печи, оклеили стѣны бумагой, сдѣлали

обратился къ нему за содѣйствіемъ. Я былъ растроганъ его пріемомъ и обращеніемъ, отъ души благодарилъ его за привѣтъ и ласку. Отъ главнокомандующаго я послѣ ужина вернулся къ моимъ сожителямъ развѣдчикамъ и расположился тамъ въ отведенномъ мнѣ на канѣ уголкѣ, какъ у себя дома.

На слѣдующій день и въ теченіе трехъ недѣль, проведенныхъ мною въ Хуаншанѣ, я ежедневно совершалъ экскурсіи по разнымъ окрестностямъ этой живописной деревни. Особенно красива была кумирня на вершинѣ высокой сопки. Въ это мѣсто я часто направлялъ свои прогулки и работалъ этюды. Здѣсь же я познакомился съ симпатичнымъ генераломъ Зарубаевымъ.

потолокъ и завели необходимый инвентарь; было тепло и уютно. Солдаты строили землянки и конюшни для лошадей. Холодъ все усиливался, и работать на воздухъ становилось все труднѣе. Несмотря на мой теплый костюмъ, поверхъ котораго я надѣвалъ китайскій халатъ на мѣху, любезно предложенный мнѣ офицеромъ Нѣжинскаго драгунскаго полка Орломъ, состоявшимъ при дивизионѣ развѣдчиковъ и относившимся ко мнѣ съ большимъ вниманіемъ и предупредительностью, я все-таки зябъ и болѣе часа не могъ работать на открытомъ воздухѣ. Вода замерзала на кисти.

Развѣдчики — С. И. Дроздовскій.

ЭРДАГОУ.

Я жилъ уже около двухъ недѣль въ Чансамутунѣ, у гостепріимнаго командира дивизіона развѣдчиковъ Дроздовскаго. Общество офицеровъ—моихъ сожителей по фанзѣ—было самое милое и симпатичное. Все это были люди, крѣпко связанные между собою интересомъ дѣла, которому ревностно служили. Одинъ изъ офицеровъ дивизіона былъ командированъ Дроздовскимъ, по распоряженію главнокомандующаго, на нашу позицію у Эрдагоу. Это былъ молодой и симпатичный князь Радзивиллъ; онъ уже успѣлъ отличиться, побывавъ въ Портъ-Артурѣ, откуда недавно вернулся. Я съ нимъ познакомился еще въ Мукденѣ. Теперь онъ, отправляясь въ Эрдагоу, пригласилъ меня проѣхать на нашу передовую линію; я охотно согласился, и мы отправились. День былъ холодный и вѣтреный. Поѣхали кратчайшей дорогой, по полю, едва замѣтной тропинкой; черезъ полчаса доѣхали до крутого оврага, на днѣ котораго текла быстрая рѣчка. Погода сильно портилась, становилось пасмурно, вѣтеръ гналъ тяжелыя облака, и начиналъ падать снѣгъ. Подѣхавъ къ оврагу, мы спустились къ рѣкѣ, на которой пучки гаюляну образовали какъ бы пловучій мостъ. Князь первый тронулъ коня. Я долженъ былъ придержать своего коня на этой сторонѣ, такъ какъ тропинка была узка и обледенѣла.

Конь князя бодро перешелъ рѣчку и съ размаху хотѣлъ подняться на противоположный берегъ, но подъемъ былъ крутъ и покрытъ ледяной коркой; лошадь взобралась до половины, но оттуда сорвалась внизъ со всадникомъ; я замеръ на мѣстѣ, думая, что она сломаетъ спину князю; къ счастью, онъ успѣлъ въ-время соскочить съ сѣдла, и лошадь одна шлепнулась въ воду, но сейчасъ же вскочила на ноги. Князь поймалъ поводья и обходной тропинкой вывелъ ее на берегъ. Я не рѣшился продѣлать опыта князя и потому, сойдя съ лошади, перешелъ рѣчку въ бродъ, ведя лошадь въ поводу. Наши люди перешли рѣчку благополучно, исключая одного, который, по примѣру князя, вздумалъ тоже переѣхать рѣчку верхомъ и за это искупался въ рѣкѣ вмѣстѣ съ лошадыю.

Дальнѣйшую дорогу сдѣлали скоро и безъ приключеній, такъ какъ ѣхали рысью, чтобы согрѣться. Не доѣзжая версты три до Эрдагоу, поднялся снѣжный буранъ, такъ что ничего не было видно, кромѣ крутящагося снѣга, который падалъ крупными хлопьями. Мы доѣхали до мѣста совершенно облѣпленные снѣгомъ.

Эрдагоу—это большая сопка, на верху которой расположена кумирня; на самой высокой точкѣ сопки—старая китайская башня, издали кажущаяся фабричной трубой, а по южному скату горы, въ котловинѣ, расположены другія зданія кумирни, постепенно спускающіяся до

самого подножія сопки. Вся гора занята землянками и траншеями наших войскъ.

Мы подъѣхали къ одному изъ склоновъ сопки и, поднявшись немного, очутились у входа въ землянку. Надъ землянкой вился изъ трубы дымокъ; въ стѣнѣ было продѣлано одно окошечко, въ которомъ было вставлено стекло, — предметъ роскоши въ такой боевой обстановкѣ.

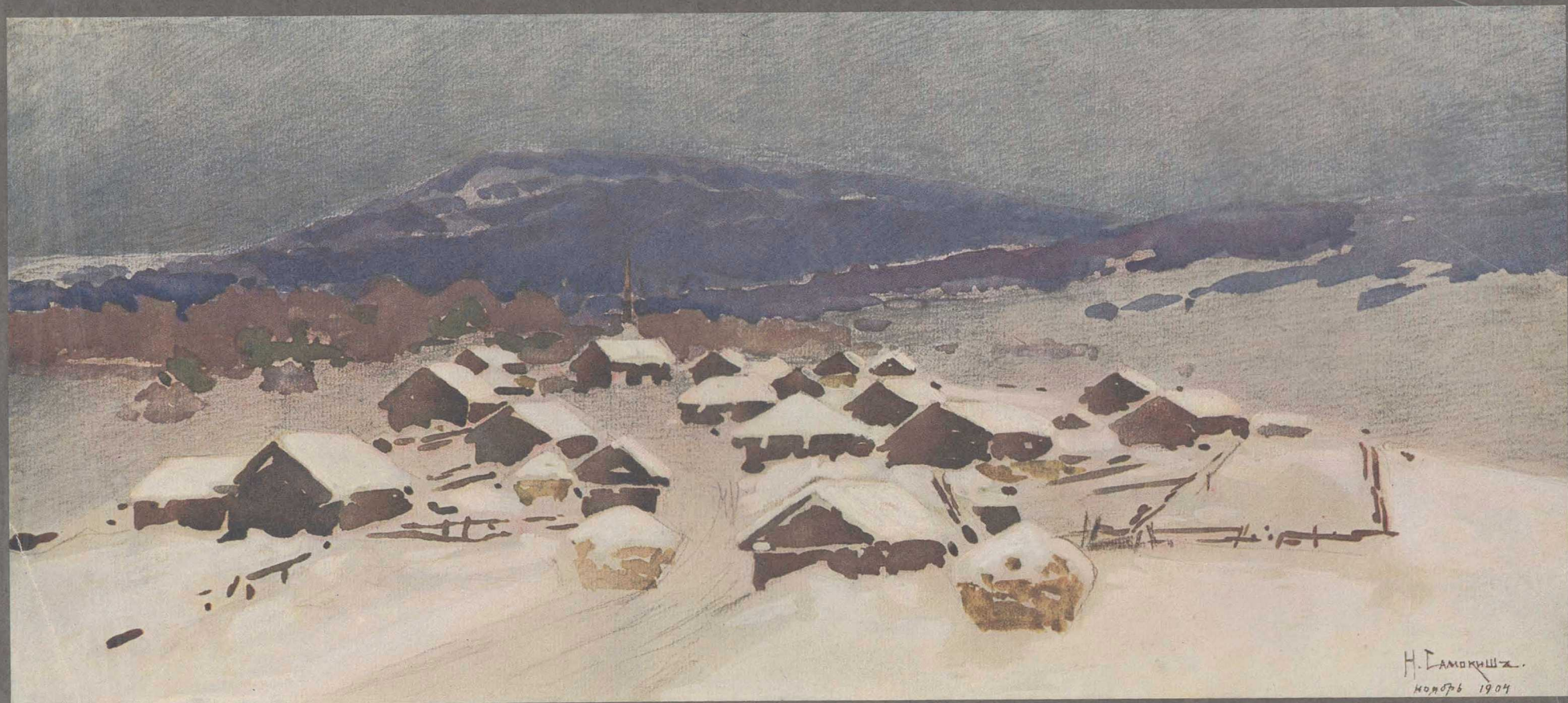
Это была квартира начальника позицій на Эрдагоу генераль-майора Огоновскаго. Мы отдали нашихъ лошадей и, отворивъ деревянную дверь, вошли въ крошечную, совершенно темную переднюю-коридоръ, гдѣ сбросили наши пальто, бурки и шапки прямо на землю: мебели никакой не было. Итти нужно было, согнувшись; отворили другую дверь и очутились въ квадратной земляной комнатѣ, съ крышей изъ гаоляна. Стѣны ея были обтянуты китайской цыновкой; половину комнаты занимали кровать, столъ и два стула; была тутъ же и маленькая печурка, въ которой весело трещалъ огонекъ. Вся эта незатѣйливая обстановка показалась мнѣ необыкновенно уютной, послѣ 20-верстнаго перѣзда по холоду и снѣгу.

Хозяинъ привѣтливо встрѣтилъ насъ; сейчасъ же появился чай, а затѣмъ и обѣдъ; мы

ѣли и пили съ завиднымъ аппетитомъ. Незамѣтно стемнѣло, зажгли свѣчи, и я отложилъ поневолѣ визитъ на позиціи до утра. Мы еще побесѣдовали съ часокъ, затѣмъ генералъ отдалъ распоряженія на ночь и принималъ донесенія, а мы, пожелавъ ему спокойной ночи, пошли спать въ другую землянку, рядомъ. Помѣщеніе, гдѣ мы спали, было довольно просторно, но значительно холоднѣе, чѣмъ въ землянкѣ генерала; печка топилась всю ночь, но тепло уходило быстро въ щели. Мы легли на нарахъ изъ досокъ и, укрывшись потеплѣе, спали хорошо; этому помогло и то, что на ноги, мы, сбросивъ сапоги, надѣли теплыя валенки, и ноги у насъ совсѣмъ не зябли.

Утро было морозное и ясное. Выйдя изъ землянки, я умылся и пошелъ къ генералу пить чай. Онъ уже давно всталъ и принималъ донесенія начальниковъ охотничьихъ командъ, высылаемыхъ на ночь къ линіи расположенія непріятеля.

Мы кончили чай; генералъ написалъ пропускъ, и я, въ сопровожденіи казака, сталъ подниматься въ гору. Солнце только-что всходило, и видъ горъ съ долиной рѣки, покрытой розовымъ снѣгомъ, былъ восхитителенъ. Мы прошли у подошвы горы цѣлую улицу землянокъ, построен-

Н. Гамович.
ноябрь 1904

бли и пили съ завиднымъ аппетитомъ. Незамѣтно стемнѣло, зажгли свѣчи, и я отложилъ поневолѣ визитъ на позиціи до утра. Мы еще побесѣдовали съ часокъ, затѣмъ генералъ отдалъ распоряженія на ночь и принималъ донесенія, а мы, пожелавъ ему спокойной ночи, пошли спать въ другую землянку, рядомъ. Помѣщеніе, гдѣ мы спали, было довольно просторно, но значительно холоднѣе, чѣмъ въ землянкѣ генерала; печка топилась всю ночь, но тепло уходило быстро въ щели. Мы легли на нарахъ изъ досокъ и, укрывшись потеплѣе, спали хорошо; этому помогло и то, что на ноги, мы, сбросивъ сапоги, надѣли теплыя валенки, и ноги у насъ совсѣмъ не зябли.

Утро было морозное и ясное. Выйдя изъ землянки, я умылся и пошелъ къ генералу пить чай. Онъ уже давно всталъ и принималъ донесенія начальниковъ охотничьихъ командъ, высылаемыхъ на ночь къ линіи расположенія непріятеля.

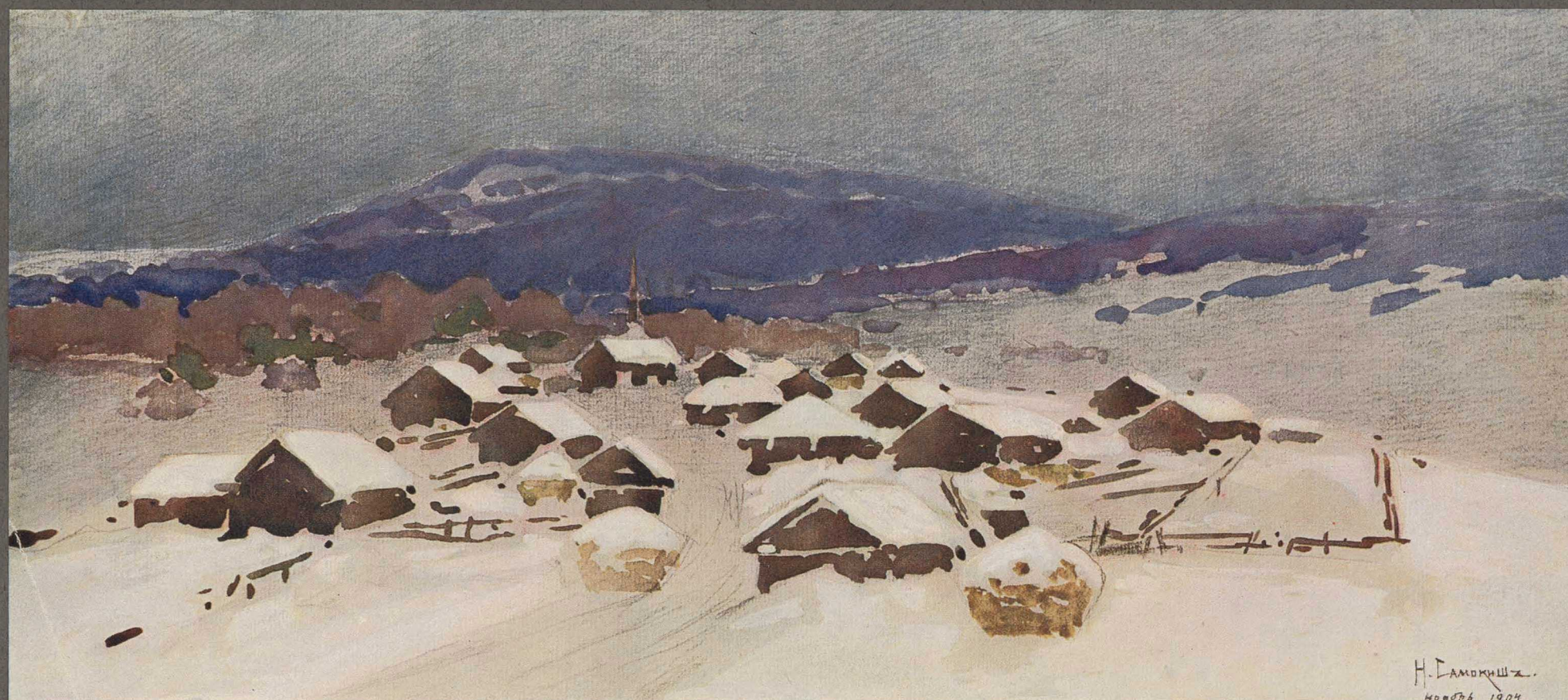
Мы кончили чай; генералъ написалъ пропускъ, и я, въ сопровожденіи казака, сталъ подниматься въ гору. Солнце только-что всходило, и видъ горъ съ долиной рѣки, покрытой розовымъ снѣгомъ, былъ восхитителенъ. Мы прошли у подошвы горы цѣлую улицу землянокъ, построен-

самаго подножія сопки. Вся гора занята землянками и траншеями нашихъ войскъ.

Мы подѣхали къ одному изъ склоновъ сопки и, поднявшись немного, очутились у входа въ землянку. Надъ землянкой вился изъ трубы дымокъ; въ стѣнѣ было продѣлано одно окошечко, въ которомъ было вставлено стекло, — предметъ роскоши въ такой боевой обстановкѣ.

Это была квартира начальника позицій на Эрдагоу генералъ-майора Огоновскаго. Мы отдали нашихъ лошадей и, отворивъ деревянную дверь, вошли въ крошечную, совершенно темную переднюю-коридоръ, гдѣ сбросили наши пальто, бурки и шапки прямо на землю: мебели никакой не было. Итти нужно было, согнувшись; отворили другую дверь и очутились въ квадратной земляной комнатѣ, съ крышей изъ гаоляна. Стѣны ея были обтянуты китайской цыновкой; половину комнаты занимали кровать, столъ и два стула; была тутъ же и маленькая печурка, въ которой весело трещалъ огонекъ. Вся эта незатѣйливая обстановка показалась мнѣ необыкновенно уютной, послѣ 20-верстнаго переезда по холоду и снѣгу.

Хозяинъ привѣтливо встрѣтилъ насъ; сейчасъ же появился чай, а затѣмъ и обѣдъ; мы

Н. Самокиш-а.
ноябрь 1904

ныхъ въ три яруса, одна надъ другой. Этотъ земляной городокъ былъ чрезвычайно живописенъ и оригиналенъ: масса дымковъ поднималась надъ землянками, и фигуры солдатъ дополняли картину боевой обстановки; походныя кухни дымили тутъ же; лошади стояли у телѣгъ, жуя чумизу.

Я сталъ подниматься на самую сопку. Подъемъ былъ труденъ: снѣгъ былъ твердый и скользкій отъ мороза, и схватиться за что-либо не было возможности, такъ какъ сопка съ этой стороны лишена была всякой растительности. Приходилось итти медленно, и даже, нѣсколько разъ поскользнувшись, я падалъ, но все-таки поднимался все выше и выше. Наконецъ, одолѣвъ подъемъ, мы очутились на верхушкѣ сопки у сигнальнаго шеста, обмотаннаго соломой; тутъ же была прекрасная землянка для офицеровъ и солдатъ дежурной части, а также и телефонъ, сообщавшійся съ квартирой генерала.

Видъ съ верхушки вполнѣ вознаградилъ меня за трудности подъема: долина, деревни, рѣка, рощи и непріятельскія позиціи видны были, какъ на ладони, великолѣпно освѣщенныя утреннимъ солнцемъ и живописно покрытыя блестящимъ снѣгомъ. Линіи непріятельскихъ траншей чернѣли ясно по ту сторону рѣки. Вправо отъ меня была видна знаменитая Путиловская сопка, а передо мной, спускаясь по южному склону сопки, были видны: прекрасная роща дубовыхъ деревьевъ, уже изрядно порубленная на топливо, и развалины кумирни, прекрасной даже въ своемъ полуразрушенномъ видѣ, съ уцѣлѣвшими кое-гдѣ отдѣльными часовенками. Тутъ же поднималась многоярусная китайская башня, на которой солдатики показали мнѣ слѣды непріятельскихъ снарядовъ. По всему гребню сопки и на склонахъ ея длинной лентой тянулись наши траншеи и ряды землянокъ, необыкновенно живописныхъ и характерныхъ. Любуясь на каждомъ шагу красотой мѣстности, я обошелъ всю гору; внизу, въ котловинѣ стояла наша артиллерія. Тутъ я познакомился съ артиллерійскими офицерами, которые пригласили меня въ свою землянку выпить и закусить чѣмъ Богъ послалъ; я охотно принялъ любезное приглашеніе, съ удовольствіемъ позавтракалъ и выпилъ стаканъ горячаго чаю. Согревшись и закусивъ, я пошелъ искать мѣсто для работы. Хотя морозъ щипалъ сильно за руки, но мнѣ очень хотѣлось сдѣлать хоть какой-нибудь набросокъ на память о моемъ посѣщеніи Эрдагоу.

Мѣсто выбрано, и я, усѣвшись поудобнѣе, сталъ писать; краски отъ холода сильно густѣли, но я упорно продолжалъ свое дѣло. Со стороны долины часто слышались одиночныя ружейныя выстрѣлы; это, какъ объяснилъ мнѣ казакъ, японцы стрѣляли по нашимъ фуражерамъ или наши по японцамъ, выходящимъ за дровами. Орудійной стрѣльбы въ этотъ день не было. Я кончилъ свою работу и такъ озябъ, что руки отказывались служить, и я долженъ былъ долго отогрѣвать ихъ, чтобы имѣть возможность привести мои принадлежности въ порядокъ. Уложивъ свой ящикъ, я сталъ сходить съ сопки; въ это время генералъ прислалъ сказать, что обѣдъ готовъ.

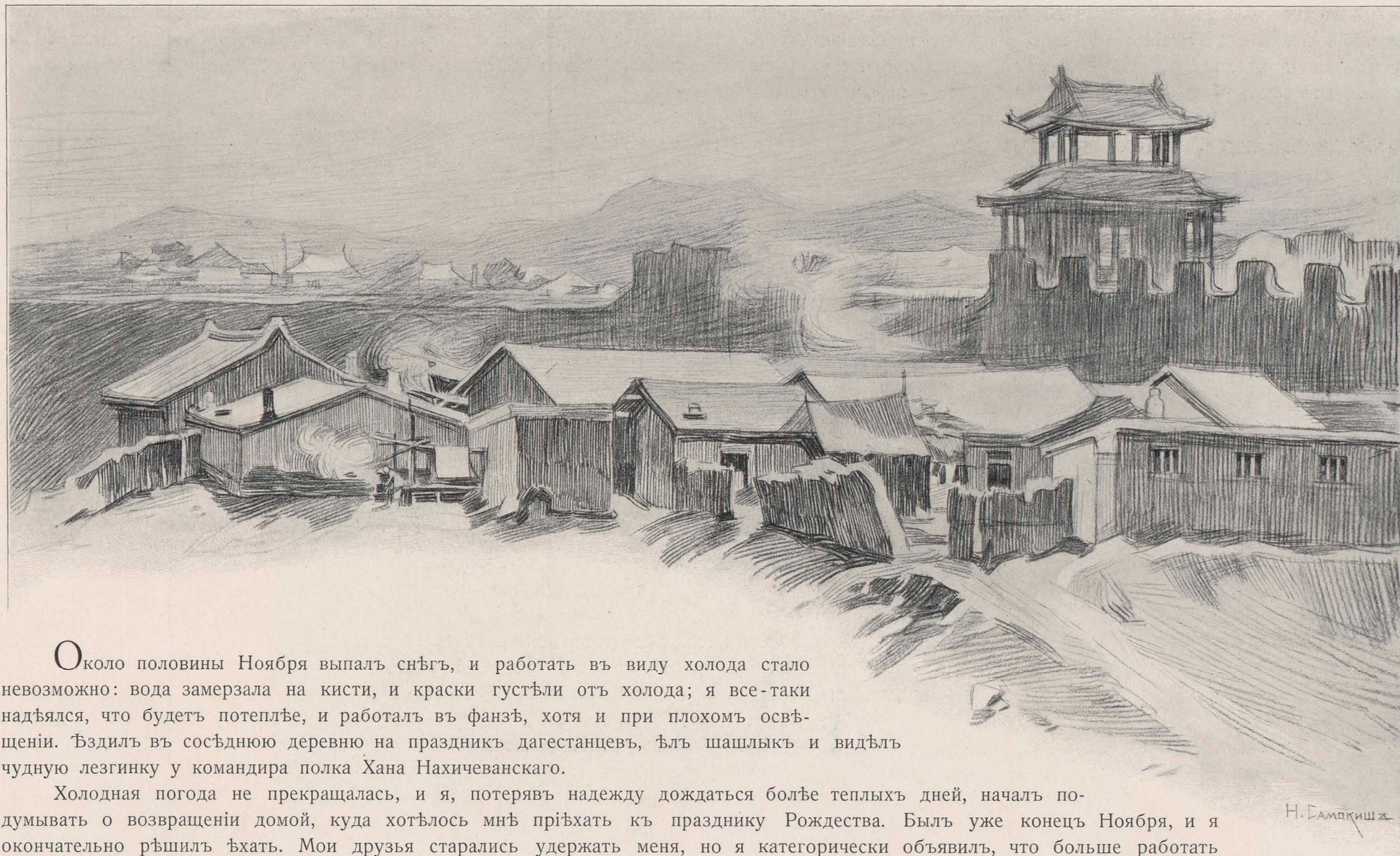
Испытавъ, какъ трудно работать на морозѣ, я рѣшилъ, что этюдовъ на открытомъ воздухѣ мнѣ не придется больше дѣлать, а такъ какъ я уже все осмотрѣлъ, то и нужно было возвращаться домой. Вечеръ приближался, а ѣхать нужно было далеко, поэтому я, распровившись съ любезнымъ хозяиномъ, сталъ собираться ѣхать въ Чансамутунъ. Но тутъ явилось затрудненіе: князь Радзивиллъ еще вчера жаловался на нездоровье, а сегодня былъ совсѣмъ боленъ и лежалъ въ сосѣдней землянкѣ, у знакомаго офицера. Я пошелъ въ землянку и уговаривалъ князя остаться, пока ему будетъ лучше; онъ, очевидно, простудился, и было бы опасно ѣхать 20 верстъ верхомъ по морозу. Онъ ни за что не хотѣлъ остаться, и мы съ генераломъ добыли для него экипажъ бригаднаго генерала Левестама, съ которымъ я и познакомился. Усадивъ князя въ экипажъ и укутавъ его, сколько можно было, буркой, я сѣлъ на лошадь и, подождавъ казака, поѣхалъ по направлению Хуаншаня, куда доѣхалъ еще засвѣтло. Князь же поѣхалъ впередъ. Не доѣзжая Хуаншаня, я по дорогѣ встрѣтилъ саперный лагерь и услышалъ, что меня кто-то зоветъ по фамиліи; оглянувшись, увидѣлъ своего стараго знакомаго по Хайчену и Лаояну, вольноопредѣляющагося Р., который былъ обрадованъ встрѣчей со мной, и мы немного побесѣдовали, при чемъ онъ очень любезно предложилъ мнѣ нѣкоторыя японскія вещи, взятые на Путиловской сопкѣ. Я ему за это очень благодаренъ, такъ какъ мнѣ, какъ художнику, эти вещи были крайне нужны, и я ревностно собиралъ ихъ, гдѣ могъ. Проводивъ меня съ версту, Р. распрощался, а я поѣхалъ впередъ. Проѣхавъ Хуаншань,

поѣхали по большой дорогѣ; гулко звучали копыта нашихъ коней, ударяя въ скованную морозомъ землю, точно въ асфальтовую мостовую. Ночь была очень холодная; проѣхавъ верстъ 8, я почувствовалъ, что ноги мои начинаютъ сильно зябнуть — холодъ усиливали желѣзные стремяна—я уже не чувствовалъ ихъ концами своихъ сапогъ. Рѣшилъ слѣзть и итти пѣшкомъ, пока ноги согрѣются. Казакъ мой тоже слѣзъ, и мы, ведя лошадей въ поводу, прошли версты три пѣшкомъ; это значительно меня согрѣло, и мы опять сѣли въ сѣдла; часа черезъ два ѣзды показались вдали огоньки Чансамутуня и привѣтливо замелькали въ ночной темнотѣ. Мы переѣхали недавно построенный мостъ черезъ глубокий оврагъ и въѣхали въ деревню. Всѣ домики свѣтились огнями, и улицы были оживлены снующимъ повсюду народомъ. Я въѣхалъ на дворъ нашей фанзы, отдалъ лошадь своему денщику и, отпустивъ казака, вошелъ въ комнату. Все общество офицеровъ было въ сборѣ, и ужинъ былъ еще на столѣ, привѣтливо освѣщенный большой керосиновой лампой. Съ холода здѣсь было уютно и тепло, и я, поздоровавшись съ моими друзьями, принялся ѣсть и рассказывать имъ свое путешествіе. Князь пріѣхалъ раньше меня и отправился въ госпиталь, находившійся на нашей же улицѣ. Послѣ ужина, напившись чаю и отогрѣвшись, я крѣпко заснулъ на моей походной постели.

На другой день я пошелъ навѣстить князя; ему было гораздо лучше, а къ вечеру онъ былъ уже у насъ и чувствовалъ себя совершенно здоровымъ.

Н. Г. Ламонинъ

Около половины Ноября выпалъ снѣгъ, и работать въ виду холода стало невозможно: вода замерзала на кисти, и краски густѣли отъ холода; я все-таки надѣялся, что будетъ потеплѣе, и работалъ въ фанзѣ, хотя и при плохомъ освѣщеніи. Ѣздилъ въ сосѣднюю деревню на праздникъ дагестанцевъ, ѣлъ шашлыкъ и видѣлъ чудную лезгинку у командира полка Хана Нахичеванскаго.

Холодная погода не прекращалась, и я, потерявъ надежду дожидаться болѣе теплыхъ дней, началъ по-
думывать о возвращеніи домой, куда хотѣлось мнѣ пріѣхать къ празднику Рождества. Былъ уже конецъ Ноября, и я окончательно рѣшилъ ѣхать. Мои друзья старались удержать меня, но я категорически объявилъ, что больше работать не могу, поэтому и пора домой. Простившись съ главнокомандующимъ и со всѣми знакомыми, я вечеромъ отправился въ Мукденъ, куда пріѣхалъ ночью, а черезъ нѣсколько дней, собравъ свои рисунки и багажъ, сѣлъ въ поѣздъ и поѣхалъ на сѣверъ.

Н. Самойшъ

Съ сожалѣніемъ покидалъ я Манчжурію и моихъ добрыхъ друзей офицеровъ, которые были ко мнѣ такъ внимательны и радушны. Впечатлѣнія моего пребыванія въ арміи не изгладятся у меня никогда. Въ теченіе семи мѣсяцевъ я жилъ душой и тѣломъ съ нашими храбрыми солдатами и научился цѣнить героизмъ и терпѣніе, проявленные въ этой войнѣ нашими войсками. Никакія неудачи, выпавшія на долю нашей арміи, не сломятъ моего уваженія и удивленія къ ихъ доблести.

Черезъ 27 дней скучной и утомительной дороги я былъ уже въ кругу своей семьи.

2018813418

